

18+

Нат Жарова

ВЫЖИТЬ В АНТАРКТИДЕ

1 ТОМ

Нат Жарова

Выжить в Антарктиде. Том 1

«Издательские решения»

Жарова Н.

Выжить в Антарктиде. Том 1 / Н. Жарова — «Издательские решения»,

Группа туристов плывет в Антарктиду. К Земле летит крупный астероид. Очень скоро их траектории пересекутся в одной точке — в сухой антарктической долине Драконьего Зуба, хранящей невероятную тайну. Молодожены, артисты, ученые, бизнесмены. Мужчины и женщины. Добрые, жестокие, наивные, опасные, влюбленные и притворяющиеся таковыми. У каждого из них есть история, которая их сюда привела. Не все они те, за кого себя выдают. Они такие разные, но скоро их объединит одно желание: **ВЫЖИТЬ В АНТАРКТИДЕ.**

© Жарова Н.

© Издательские решения

Содержание

1. Отплытие	6
2. Ужин и новые встречи	14
3. С чего все началось	21
4. В проливе Дрейка	30
5. Лекция «Паганеля» и ее обескураживающее завершение	39
6. Новый план	47
7. Три просьбы	53
8. Геннадий Белоконев идет на откровенность	59
9. Под созвездием Южного креста	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Выжить в Антарктиде Том 1

Нат Жарова

*Невозможно всегда быть героем, но всегда можно оставаться
человеком.
И. Гёте*

© Нат Жарова, 2026

ISBN 978-5-0067-5376-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0067-5377-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Отплытие

В порту аргентинского города Ушуая было промозгло и шумно. Автобус подрулил к самому пирсу, и молодые актеры «агитбригады» (прозванные так острым на язык Урусовым) посыпались из открывшихся дверей, как горох. Некоторые из них сразу отбежали от автобуса, стремясь немедленно запечатлеть портовую суету и огромный борт корабля, вздымавшийся над крышами ангаров, но наиболее совестливые и ответственные занялись багажом. Старшее поколение, помнившее еще времена тех самых агитбригад и шефских концертов, отошло в сторону, растерянно озираясь.

Елизавета Даниловна Бекасова, заслуженная актриса и ныне режиссер подмосковного театра была как раз из последних. Грузно, приставным шагом, она спустилась по ступеням, и, кутаясь в пальто, встала под облезлой стеной ангара, уставившись в узкий проулок, где блестел на холодном солнце океан.

— Что, Лиза, хорош красавец? — к ней подошел Евгений Евгеньевич Урусов, ведущий актер ее труппы, которому была позволительна небольшая фамильярность в общении. — Пять палуб, длина 130 метров, способен играючи пробить лед толщиной 3 метра, да и внутри небось отель пять звезд.

— Это ты настоящие пять звезд не видал, — скептически высказалась Бекасова, ежась на прохладном ветру. — Вот скажи, что стоило Долгову зафрахтовать круизный лайнер или вообще справлять медовый месяц где-нибудь на Канарах? Нет, экзотики ему захотелось! Да еще ледокол этот кошмарный...

— Ну, что ты, Лиза, Антарктида — это мечта, — Урусов мягко улыбнулся. — Киты, пингвины, айсберги. Небанально. А то, что мы поплывем на экспедиционном ледоколе, очень хорошо: компания будет интеллигентная, культурная, да и поездка окажется куда познавательнее для молодежи, чем если бы они всю дорогу в баре тусили.

На этих словах оба дружно посмотрели в сторону автобуса, где молодежь, о которой шла речь, пыхтя и беззлобно переругиваясь, тащила из багажного отделения многочисленные коробки и чемоданы. При этом во взгляде Бекасовой мелькнуло неудовольствие, выдавшее отношение к тому, как бурно и безудержно молодежь провела сегодняшнюю ночь.

— Им бы только развлекаться да любовь крутить!

— Эх, Елизавета, было б нам годков поменьше, тоже не отказались отметить католическое рождество на Огненной Земле.

— Лучше бы в музей сходили. Да и Рождество уже прошло.

— Народ тут всю неделю гулять будет. Хотя, конечно, танцевать в толпе самбу это не нашему. Я в молодости другие развлечения предпочитал. — Пожилой актер прикрыл глаза, вспоминая. — Помню, вырвался я как-то в отпуск на малую родину... Я же тебе это еще не рассказывал, нет? Ну так, как с поезда сошел, первым делом к своему корешу Лешке Панкратову направился. В сумке у меня бутылочка «Столичной» — все, как полагается. Солнце над головой жарит, стрекозы туда-сюда. Думаю, сядем на речке, ноги в прохладную воду, «Столичную» туда же, огурчиком из парничка захрустим. А вокруг — космос!

— Ты, Женя, с байками своими завязывай, не время сейчас про космос, — одёрнула его Бекасова.

— Да что ты суетишься, Лиза! Паша Долгов — человек адекватный, театр любит, а наш театр драмы и комедии особливо. Потому и в поездку пригласил: кому как не нам на его свадьбе гулять? Мы же с тобой его вот таким мальчиком помним, — и Урусов рукой показал рост маленького Павлика, впервые пришедшего в их театр. — Мать его, Маша, царствие ей небесное, талантливая актриса была. Не вышла бы замуж за будущего магната, гремела бы нынче по всей России. А сын в нее генами пошел. Наш он человек! Вот и невесту себе нор-

мальную нашел, которая не о бриллиантах думает, а науку спонсирует. Свадебное путешествие в Антарктиду — ее идея.

— Ох, Женя, как бы нам эта гастроль боком не вышла, — вздохнула Бекасова. — Предчувствие у меня нехорошее.

— Так чего согласилась-то?

— Деньги нужны. У меня кредиты, внуки...

— Кредиты это да, — пробормотал Урусов.

Тем временем, пока старшее поколение спорило и сомневалось, молодые артисты обсуждали свои проблемы.

Вчера, 26 декабря, слегка оглушенные длительным перелетом, они заселились в отель, но долго оставаться в номерах не смогли. Да и как прикажете спокойно спать, когда на экзотических улочках Ушуаи, живущей за счет туристов, всюю праздновали и шумели? Песни, шествия, танцы прямо на мощеной булыжником мостовой, фейерверки и зажигательная музыка соблазняли миллионом удовольствий. Наплевав на усталость, молодежь с энтузиазмом влилась в местный карнавал и веселилась до утра. Позже это обернулось заспанными физиономиями, отсутствием «искры в глазах» (на что особо пеняла Бекасова) и сильной головной болью у тех, кто не рассчитал силы, употребляя аргентинское вино. А кое-кто еще умудрился остаться и без денег: воришки на улицах, примыкавших к отелю, где селились беспечные иностранцы, тоже не дремали.

— Да кто ж знал, что у меня вытащат бумажник! — оправдывался красавчик Сергей Давыдов, неизменный исполнитель роли Ромео и Дон Жуана. — Ну, прости, что не о кошельке думал, а о тебе, мой цветочек! Ты была точкой притяжения всех моих желаний!

Анна Егорова, к которой был обращен его пламенный спич, недовольно скинула руку Давыдова со своей талии:

— Что толку мне от твоих точек притяжения, если в такой холод ты даже стаканчик горячего кофе мне купить не в состоянии?

Сергей вздохнул, всем видом демонстрируя сожаление, и вернулся к чемоданам, едва не столкнувшись с красивой стройной девушкой в синей куртке.

— Прости, Вика, сегодня не мой день, — пробормотал он.

Вика Завадская ничего не ответила, подхватила из груды вишневый чемодан на колесиках, и отошла от толпы, разглядывая будущих попутчиков. Кроме артистов антрепризы счастливый новобрачный Павел Долгов ангажировал еще и группу из цирка. Фокусники, гимнасты, жонглеры и танцовщики должны были оттенить серьезные театральные постановки и развлечь тех гостей, кто привык к менее интеллектуальному досугу. Во время почти недельного плаванья туда и обратно циркачам предстояло выступать с разнообразными шоу, превращая каюткомпанию в подобие кабаре. Говорили также, что другим рейсом сюда летел целый оркестр, способный на самом высшем уровне исполнять репертуар от сонат Бетховена и джазовых композиций до пресловутой «Мурки».

Анна Егорова, внезапная любовь Давыдова-Дон Жуана, была как раз из цирковых. Гибкая, тонкокостная и подростково-плоская, она, как убедились ребята во время ночного карнавала, умела без усталости танцевать, метать ножи в цель (выиграла плюшевого медвежонка в уличном тире) и пить, не пьянея. Она сразу выделила Сергея и так к нему прилипла, что он, кажется, даже не понял, что оказался полностью в ее власти. Вика догадывалась, что они провели вместе ночь, не только шляясь по улицам, но и продолжили банкет в номере. Анна ни на шаг не отходила от красавца Давыдова, командовала им, капризничала, а тот отчего-то покорно все это сносил.

Анна Вике не нравилась. На ее взгляд, было в ней что-то фальшивое, таящееся в самой глубине шальных глаз. К Сергею Вика ее, разумеется, не ревновала, но решительно не пони-

мала резонов партнера по сцене, избравшего в подружки не слишком фигуристую и явно циничную стервочку.

Наконец все вещи были извлечены из недр багажного отсека, и автобус, пофыркивая, направился прочь, а его пассажиры, груженные чемоданами, сумками и фотоаппаратами, дружной толпой зашагали к пирсу. Плыть на ледовый континент им предстояло на экспедиционном судне «Душа океана», ходившим под аргентинским флагом.

— Помочь? — к Вике неслышно подкрался один из цирковых: высокий блондин лет за тридцать, с аристократичной небритостью на лице, облаченный в элегантное двубортное пальто и шляпу. Он шел налегке, если не считать небольшую спортивную сумку, перекинутую через плечо.

— Нет, спасибо, я сама, — она окинула незнакомца беглым взглядом. Кажется, он работал иллюзионистом.

— Ашор Визард к вашим услугам, — подтвердил тот ее догадки и в довершение образа извлёк прямо из воздуха розу. Бумажную. — Это вам, милая девушка. Красота к красоте.

Вика, колебавшись, розу взяла, чтобы не обижать человека. Но сделала это с такой холодной надменностью, что иллюзионист продолжать знакомство не отважился.

На пирсе было еще более суетно и шумно, чем возле ангаров. Погрузка шла давно, может и не один день. На борт корабля с помощью портовых кранов поднимали контейнеры, огромные тюки и бесчисленные бочки с горючим, упакованные в кластеры по 16 штук каждый — все это поглощали емкие трюмы ледокола.

Возле крутого трапа дежурил матрос в фирменной черной-белой куртке с красным воротником, сочетанием красок неувлочно напоминающей покраску судна — и не понятно было, то ли так задумано специально, то ли просто совпало. Он приветствовал прибывших пассажиров по-русски, чем несказанно всех удивил. Увидев замешательства на лицах, матрос развеселился:

— Дамы и господа, прошу любить и жаловать наш многонациональный «Спирит оф оушен»! Капитан тут немец, команда русская, порт приписки Буэнос-Айрес, а повар с Филиппинских островов. Готовит он, кстати, очень вкусно и алкоголь из бара не ворует.

Матрос бегло проверил документы и отправил всех вверх по трапу в объятия службы безопасности. Суровые ребята с проводками в ухе вновь потребовали документы, провели артистов сквозь рамки металлодетекторов, после чего перепоручили заботам помощника капитана, занимавшегося размещением. Помощник — светловолосый парень в такой же черно-белой куртке, но уже с повязанным поверху красным шарфом — раздал ключ-карты от кают согласно списку, и на этом оргмомент наконец-то закончился. Юнга проводил «агитбригаду» на третью палубу, где им и предстояло отныне коротать большую часть пути до острова Кинг-Джордж.

Вика с огорчением узнала, что ей предстоит делить одну комнату с антрепренёром Бекасовой и противной циркачкой Егоровой — хуже наказания и быть не могло! Но спорить и меняться с кем-то она не стала, решив отнестись к жребии философски.

Маленькая каюта, тесная и душная, навела на нее уныние, и она постаралась поскорее оттуда сбежать. Поставив чемодан и прихватив с кровати красочный проспект с программой, которые тут раздавали, кажется, всем, даже обслуживающему персоналу, Вика поднялась обратно на палубу.

Выбрав скамейку под прикрытием надстройки, хоть немного защищавшей от ветра, она уселась и некоторое время оглядывалась. Ледокол нельзя было назвать «роскошным судном», но содержался он в идеальном порядке. Палуба сияла чистотой, надраенные стальные детали блестели, спасательные шлюпки были укрыты аккуратными чехлами.

Мимо изредка пробежали матросы, которые приветствовали гостью и дарили ей восхищенные взгляды. Вика вежливо всем улыбалась. Она знала, что производит на некоторых мужчин неизгладимое впечатление, но, как правило, старалась притушить свое обаяние, чтобы не наживать лишних проблем. Справедливость поговорки «не родись красивой, а родись счастли-

вой» она успела познать в полной мере. Яркая внешность в сочетании с актерской профессией почему-то вводила людей в заблуждение, делая ее доступной в их глазах. Когда они получали отказ, это их бесило. Отвергнутые поклонники начинали преследовать или мелочно мстить, за глаза называли «фригидной», а обожавшие посплетничать коллеги женского пола, не иначе из зависти, награждали эпитетами и похлеще. Вика давно к этому привыкла и почти перестала переживать. Красота оставалась для нее рабочим инструментом, но порой ей очень хотелось обменять ее на простое человеческое тепло и участие.

Устав разглядывать ничем не примечательную палубу, Вика вспомнила о рекламном проспекте и открыла его.

«Антарктида — континент крайностей», — прочла она. И далее:

«Что такое Антарктида? Это первозданные природные ландшафты и уникальный животный мир. Это причудливые, отливающие синевой айсберги, сверкающие на солнце миллиардами алмазных искр. Это птичьи базары и колонии любопытных пингвинов, водопады и ледники, незамерзающие вулканические озера, горы и расщелины.

Если вы любите активный отдых, прогулки на аэросанях и лыжах, полеты на воздушном шаре, дайвинг и каякинг — это путешествие станет для вас незабываемым. Мы подарим вам яркие впечатления вдали от раздражающих телефонных звонков. Вы сможете сфотографироваться на фоне плавающих льдин, погрузиться с аквалангом на дно талых озер, пролететь над белым безмолвием и, конечно же, отправиться на вездеходах вглубь ледника в поисках приключений...»

«Как жаль, что это не для меня», — вздохнула Вика. Павел Долгов, ангажируя их труппу, взял на себя все организационные расходы, перелет, питание и проживание. Но никаких лыжных прогулок и полетов на воздушном шаре для артистов, разумеется, не предусматривалось. Эксклюзивный тур предназначался новообращенным и их гостям. Правда, сфотографироваться на фоне айсбергов и пингвинов никто не мешал. Высадка на берег для «агитбригады» предполагалась только одна — на острове Кинг-Джордж вблизи Антарктического полуострова, где их селили на несколько суток в отеле «Белый берег», пока Долгов и прочие счастливицы вылетали в долину Драконьего Зуба..

Шум и автомобильные клаксоны со стороны причала отвлекли Викторю, и она поднялась, приблизившись к борту. С высоты палубы Завадская углядела караван дорогих машин, подруливших к самому трапу. Из них выходили, жизнерадостно перекликаясь, Павел Долгов с невестой и их гости. Вокруг стайкой вились фотографы — то ли папарацци, то ли специально нанятые запечатлеть эпохальную поездку профессионалы глянцевого издания (судя по равнодушным взглядам телохранителей, все же именно последние).

Павел Долгов держался просто для человека, обладающего неслыханным состоянием. Совсем недавно, после смерти отца, он унаследовал семейный бизнес и подошел к делу приумножения капитала настолько серьезно, что не только не развалил дело, но даже обошел главного конкурента. Газеты окрестили его «молодой и кровожадной акулой 21 века». А полгода назад новостные источники буквально захлебнулись новой сенсацией: один из самых завидных женихов России сделал предложение дочери французского Нобелевского лауреата, тоже ученой даме — Патрисии Ласаль, физику, автору многочисленных научных работ, да к тому же еще и писаной красавице. Все предвкушали грандиозное зрелище в стиле бракосочетания принцессы Дианы. Но молодожены не стали устраивать пышную свадьбу с лимузинами и певцами мировой величины, а опять сориентальничали, отправившись с немногими столь же безбашенными гостями в Антарктиду. Поскольку торжество приходилось на канун Нового года, первое января им всем было суждено встретиться на шестом континенте, что добавляло истории пикантности.

— Ну, вот и прибыли наши главные герои.

Виктория обернулась на задумчивый голос.

Незнакомец, которому на вид можно было дать не более тридцати, успел неслышно подойти и стоял всего в метре, положив руку на поручень. Он был широкоплеч, строен и обладал привлекательным лицом, которое совсем не портил длинный нос с горбинкой. Его непокрытые темные кудри трепал океанский ветер. Когда же он повернулся, и на Вику взглянули смешливые глаза темно-карего завораживающего оттенка, она почувствовала, как ее сердце пропустило удар.

Эта недвусмысленная реакция настолько ее поразила, что Виктория озадаченно свела брови к переносице, что со стороны могло показаться гримасой недовольства. Но мужчина не растерялся и не испугался.

— Привет! — произнес он. — Я Юра. А вы?

— Я пассажир этого корабля, — ответила Вика слегка настороженно.

— Надо же, какое приятное совпадение! Я тоже. — Смотрел Юра серьезно, но на дне его зрачков по-прежнему таилась улыбка.

— Я не видела вас ни в самолете, ни в отеле...

Вика никак не могла понять, к какого рода пассажирам следует отнести этого человека. Он совершенно точно не принадлежал к экипажу. Ярко-красная куртка была добротной и теплой, но вряд ли пошита в салоне Дольче-энд-Габбана, так что к гостям олигарха его тоже сложно было причислить. Журналист? Отбившийся от цирковых концертмейстер? Музыкант?

— Вывод прост: мы с вами летели разными рейсами. Я торчу на этом корабле уже пятые сутки.

— Зачем?

— Слежу, чтобы на борт доставили все необходимое оборудование и приборы.

— Ах, вы ученый! — Виктория вспомнила, что плыть им предстоит не на яхте, как изначально им обещали, а на настоящем научном судне.

— Простите, давайте я представлюсь заново и более толково. Юрий Громов, гляциолог или по-простому — исследователь льда. Но сейчас зона моей ответственности не ледниковый покров, а помощь в организации этого безумного круиза.

— Отчего же безумного?

— Потому что я впервые вижу столько неподготовленных людей, польстившихся на экзотическую затею. Это я о нашем новобрачном.

— Я слышала, Павел Долгов и его невеста люди спортивные и любят экстрим.

— Что ж, надеюсь все пройдет гладко. Ведь мне придется следить, чтобы они вернулись домой живыми и здоровыми.

— Значит, Долгов вас тоже нанял. А я сначала подумала, что вы сами по себе и отправляетесь на зимовку

— Увы, не в этот раз. Но будет ли мне позволено узнать и ваше имя, прекрасная пассажирка этого корабля? — в голосе гляциолога ей послышалась легкая насмешка, и Вика снова нахмурилась.

— Виктория Завадская.

— Польщен знакомством. Вы актриса, которая будет играть Джульетту?

— Да. Вы знакомы с нашим репертуаром?

— Видел мельком развлекательную программу. Новобрачные скучать не настроены. Ими запланированы и научный лекторий, и кино, и цирк, и театр. Но лично я буду рад именно театральным постановкам.

— Вы театрал?

— Нет, но уважаю это искусство, хотя времени им наслаждаться вечно не хватает. Вам не холодно? — обеспокоился вдруг Громов, заметив, как нервно ежится его собеседница.

Но Вику беспокоил не холодный ветер, а близкое присутствие этого человека. Она и сама не могла понять, что с ней такое.

— Нет, это волнение, — ответила она как можно более спокойным тоном. — Путешествие стало для меня неожиданностью, и я до сих пор не могу поверить, что судьба забрасывает меня так далеко.

Громов улыбнулся и указал на забытый проспект в ее руке:

— Привыкаете к новым обстоятельствам?

Вика тоже взглянула на проспект и зачем-то поспешно свернула его в трубочку.

— Пытаюсь представить, что меня ждет. Вы бывали прежде в Антарктиде?

— Это моя третья поездка. И, честно говоря, жаль, что она будет короткой и бессмысленной. Я мечтал туда вернуться, но не в сегодняшнем качестве.

— По-вашему, Антарктидой можно заболеть, как горами?

Лицо Громова стало задумчивым, а из глаз ушли смешинки:

— Притягивает не земля, а ощущения, которые она дарит.

— Понятно. Вам нравится преодолевать трудности.

Громов тряхнул головой и снова улыбнулся:

— Не без этого. Но еще я предпочитаю простую жизнь, без ложных ценностей и дутых кумиров.

Вика невольно задумалась над его словами.

— Какая она, Антарктида? — спросила она и стала напряженно ждать ответа, словно важного откровения. И Громов интуитивно понял это. Почувствовал, что от его слов будет зависеть ее к нему отношение. Сочтут ли его досужим болтуном, не стоящим внимания, или наметится шанс заслужить уважение. Глупенькой пустышкой эта красавица уж точно не была. Скрытной — да, но с ней не стоило держаться снисходительно.

— Наверно, это страна, где все наоборот. Вместо Большой Медведицы в небе там горит Южный Крест, солнце движется против часовой стрелки, а человек ходит вверх тормашками по отношению к жителям Европы. Но пока ее берегут от всевозможного мусора — информационного, политического и человеческого — Антарктида остается еще и чистой страной. Чистой, честной и способной менять людей до неузнаваемости.

Вика задумчиво прикусила нижнюю губу.

Тут к ним, широко и целеустремленно шагая по палубе, приблизился мальчик лет 10—12, один из тех, кто только что прибыл вместе с гостями. Он был одет в серую курточку и темные джинсы, из кармана которых виднелся край трикотажной шапки, которую ему наверняка всучила мама, но он не собирался ее надевать. Еще он носил очки и выглядел очень независимым и сосредоточенным.

— Извините, я услышал русскую речь и не мог не поздороваться с соотечественниками, — произнес он с крайне серьезным выражением лица. — Вы разрешите к вам ненадолго присоединиться?

При этом он так требовательно взглянул сначала на Громова, потом на Вика, что те, не сговариваясь, кивнули. Громов протянул руку:

— Юра.

— Кирилл, — представился подросток, обмениваясь с гляциологом рукопожатием. А потом повернулся к Вике: — А вас я знаю, вы играли Зойку в сериале «Подружки».

Вика вскинула тонкие брови:

— Ты смотрел «Подружек»?

— Не я, моя гувернантка, это же девчачий сериал. Но когда он шел, я всякий раз обедал на кухне, а Людмила Степановна прилипала к экрану. Вы там очень красивая. В жизни тоже, — быстро поправился он.

— Спасибо, Кирилл, — растерянно проговорила Виктория. Этот воспитанный и смущенный ребенок сбивал ее с толку. Ее собственный младший брат вел себя в его годы совершенно не так.

— Рассматриваете рекламку? — мальчик указал на глянцевый проспект и поправил очки, съехавшие на кончик носа. — Я тоже ее видел. Но тут в основном бестолковая информация. Перед поездкой я специально читал об Антарктиде. Кто там живет, что растет. И могу рассказать обо всем гораздо лучше.

— Разве там что-то растет? — поразились Вика. — Прямо в снегу?

— Почему же в снегу? Сейчас там самый разгар лета, на побережье тепло, в удачные дни температура выше нуля. В центральных областях, конечно, гораздо холоднее, до минус тридцати доходить может, но меня туда не повезут. Мы с мамой и папой остаемся в отеле, будем изучать колонию пингвинов Адели. Кстати, в районе нашего отеля на каменистых скалах растут мхи и лишайники. А грибов в Антарктиде более тысячи видов.

— Ты, гляжу, обстоятельный человек, — заметил Громов. — Ко всему имеешь научный подход.

— Мне это интересно. Вообще-то сам я хочу стать биологом и исследователем непознанного, но папа желает сделать из меня адвоката, как он. Ну, ладно, я пойду. Хочу обойти весь корабль до отплытия.

— Это будет нелегкой задачей, корабль большой. Как тебя вообще одного родители отпустили. Доверяют, наверное? — Вика с трудом сдерживала удивленную улыбку

— Доверяют, — подтвердил Кирилл, — я же не какой-то там младенец. Да им сейчас не до меня. Мама побежала в салон красоты, а папа с кем-то ругается по телефону, отдает последние распоряжения.

Кирилл удалился, а Вика вопросительно повернулась к Громову:

— На борту ледокола есть салон красоты?!

Тот подтвердил:

— Это не совсем обычный ледокол. Он возит не только научные экспедиции, но и туристов. В наш век считается, что наука обязана быть рентабельной. Так что на второй палубе оборудованы парикмахерская, фитнес зал, бар и даже бассейн с подогревом. Все бесплатно, потому что уже оплачено Долговым.

— В поездке будет много детей?

— Не очень, но Кирилл не одинок. К слову, хороший паренек.

Виктория скосила глаза на его правую руку, опять лежащую на поручне: обручального кольца у Громова не было, и это ей понравилось. Тут гляциолога кто-то окликнул, и Юрий, извинившись, ушел. Вике стало грустно. Плотнее завернувшись в шарф и натянув шапочку пониже, она пошла вдоль борта, пытаясь успокоить расшалившиеся мысли.

Спустя некоторое время «Душа океана» отдал швартовы и стал неторопливо отдаляться от причала. Гула корабельного мотора на высоте пассажирской палубы второго класса практически не ощущалось. Сначала судно шло малым ходом к выходу из залива. Медленно плыли назад низкие двухэтажные дома, ангары, доки, краны. Отдалялись и заволакивались дымкой горы Огненной Земли. Встречные суда напутствовали собрата протяжными гудками. «Душа океана» отвечал, и над водой плыла почти непрерывная песнь, исполняемая низкими корабельными голосами.

Вика дошла до носа, поднялась по трапу на верхнюю палубу и оказалась на обзорной площадке, где уже толпился возбужденный народ. Данная часть корабля отводилась преимущественно для гостей Павла Долгова, но прямого запрета на посещение этих мест не было, в конце концов, они уважаемые артисты, а не слуги, и Вика прошла чуть дальше, стараясь держаться вне поля зрения высоких вельмож.

Впрочем, на нее мало кто обращал внимание. Звучала иностранная речь, то и дело слышались щелчки фотоаппаратов. Но особо выделялась шумная группа наших туристов, среди которых Вика опознала очень известного актера Сергея Абызова и не менее известного продюсера Игоря Симорского. Возможно, ей следовало подойти к ним и свести знакомство, совмест-

ная поездка как нельзя лучше способствует укреплению полезных связей. Однако она незаметной тенью скользнула мимо, встала у борта и перегнулась вниз.

Мощный форштевень неспешно резал темно-синюю волну, отваливая под острым углом белопенные пласты. Девушка подумала, что это и впрямь похоже на работу плуга, и выражение «бороздить океан» взялось не с потолка.

Ветер крепчал, ход нарастал, и скоро залив, заполненный яхтами, рыбацкими посудинами и круизными лайнерами остался позади. Непередаваемое чувство радостной свободы охватило Викторию. Вот теперь можно было точно сказать: ее неожиданное и удивительное приключение началось по-настоящему.

2. Ужин и новые встречи

Перед ужином Вика зашла к себе, чтобы умыться и оставить верхнюю одежду, поскольку добраться в столовую можно было и по внутренним коридорам.

Каюта была пуста, соседки уже ушли ужинать. Сигнал следовать в столовую застал Завадскую на обзорной площадке; она долго плутала по палубам, и, когда вспомнила, куда заселилась, прошло минут пять, не меньше.

Снимая куртку, Вика увидела, что бумажная роза, которую ей вручил иллюзионист по дороге и которую она небрежно бросила на койку, превратилась в настоящую.

Девушка удивилась, оглянувшись на плотно закрытую дверь и осторожно взяла в руки цветок. Шипы на стебле были аккуратно срезаны. «Интересное продолжение фокуса, — подумала она, вдыхая аромат. — И зачем Ашор заходил в каюту?»

Как бы там ни было, этот жест ее тронул. Вика положила розу обратно на покрывало и, мимоходом кинув взгляд в зеркало, крепившееся на двери, вышла в коридор.

* * *

На ледоколе было две столовые, круглосуточный бар и ресторан. Ресторан с роскошной картой вин, конечно, отводился для пассажиров первого класса. Там была небольшая сцена, играла живая музыка, а блюда подавались по выбору из меню. Столовую посещали ученые и артисты, атмосфера в ней царила демократичная. Экипаж и обслуга питались отдельно. Бар же располагался рядом с обзорной площадкой на самом верху.

Столовая для пассажиров второго класса была хороша, прежде всего, огромными панорамными окнами. Повсюду стояли круглые столы, накрытые белыми скатертями, на 8 персон каждый, а по углам возвышались пальмы в горшке. Актеры из труппы Бекасовой заняли столики наособицу, держась вместе.

Вика выбрала стул рядом со своими соседками по каюте, хотя, наверное, это было не обязательно. Все рассаживались, как хотели. Невольно она поискала глазами иллюзиониста. Тот сидел далеко, в противоположном углу, но поймал взгляд Завадской и улыбнулся, чуть наклонив голову в знак приветствия. Вика тоже мимолетно улыбнулась, но продолжать зрительный контакт не стала. Тем более, что Бекасова, постучав вилкой по бокалу, потребовала внимания.

— Сразу после ужина, — объявила она, — жду всех в театральном салоне на верхней палубе. Прогоним завтрашнюю пьесу целиком.

Ответом ей были расстроенные лица и тихий ропот. Молодежь предвкушала поход в корабельный кинотеатр, тем паче, что полновесные прогоны обычно проводились не по вечерам, а с утра, на свежую голову.

— Репетиция это святое для каждого актера! — отчеканила Бекасова, пресекая протест. — Многие из вас вводились на роли буквально вчера, и я хочу еще раз посмотреть на ваше взаимодействие. И напоминаю в последний раз: суфлеров у нас нет, поэтому текст должен от зубов отскакивать! Иначе вылетите у меня из театра и из профессии. Всем ясно?

Стулья по соседству с Викторией остались незанятыми, мало кто из труппы хотел сидеть за одним столиком с режиссером, обладавшей тяжелым характером. На этот подвиг отважились только партнер Завадской Сережа Давыдов, циркачка Анна Егорова (парочка держалась за руки, полагая, что под столом не видно), да пожилой актер Евгений Урусов.

Пустое пространство слегка нервировало Викторию, сюда мог сесть кто угодно. Поэтому, когда в ресторан вошла шумная мужская компания, среди которых выделялся ее новый знакомый гляциолог Громов, она обрадовалась. Вика не сводила с вошедших глаз, внимательно следя, куда они направляются. Полностью свободных столиков не осталось, так что группе опоз-

давших так или иначе пришлось бы дробиться. Конечно, Вика могла бы привлечь внимание Юрия, помахать ему рукой, но не сделала этого.

Однако Юрий сам ее заметил и вместе с еще одним человеком направился в ее сторону.

— Простите, здесь свободно? — вежливо осведомился он у Бекасовой, безошибочно распознав в ней главную, и, получив разрешение, занял стул подле Вики.

Его спутник, представившийся Владимиром, уселся рядом. К своему удивлению Вика опознала в нем одного из охранников Долгова — она видела их у трапа. Правда, ракурс тогда был неблагоприятным, но Владимир отличался характерной внешностью: коротко стриженная голова, крупные, все подмечающие глаза, обведенные кругами недосыпа, и уверенные движения мужчины, знающего себе цену. Завадская вряд ли могла ошибиться.

Оторвавшись от созерцания охранника, она переключилась на Громова, но, встретившись с чуть насмешливым взглядом, отвернулась, храня видимое равнодушие.

Юра Громов, впрочем, не стал ее пытаться, а обратился к Бекасовой:

— Поверить не могу, счастливый случай свел меня с бесподобной и неподражаемой Елизаветой Даниловной! Позвольте выразить вам мое восхищение.

— Благодарю, — неожиданно кокетливо произнесла Бекасова.

Лед был благополучно сломан, сердце главы актерской труппы покорено, а когда Громов «узнал» Евгения Урусова и даже нашел несколько комплиментарных слов в адрес молодой поросли, за столом установилась непринужденная атмосфера. Вот только сама Вика чувствовала себя странно.

Украдкой она приглядывалась к вновь прибывшим чуть внимательнее, чем требовало простое любопытство, как если бы проникала в суть характера сложного в интерпретации персонажа. Ей показалось, что в поведении Владимира, по большей части молчавшего, присутствует мало объяснимая настороженность. Этот крепыш не был расположен к светским беседам и сейчас, улыбаясь направо и налево, явно себя пересиливал. Он удерживал на в общем-то приятном и пластичном от природы лице несвойственную ему статичную мину и нет-нет да и впивался на секунду взглядом то в одного соседа, то в другого, будто пытался прочесть мысли. Он то и дело прохаживался взглядом и по залу, вбирая детали обстановки, был собран, сжат, как пружина, хотя охраняемого объекта — господина Долгова — в столовой не было и в помине.

Вика решила, что ужин в кругу артистов Владимир воспринимал не отдыхом, а очередным заданием, которое никак нельзя провалить. Возможно, эта привычка была заработана нелегкой жизнью и профессией, однако становиться объектом его интереса, пускай и мимолетного, Вике было неприятно. Она пожалела, что стол круглый и все сидящие за ним отлично друг друга видят.

Хотя, судя по выражению на лице Анны, телохранитель Долгова циркачке как раз весьма приглянулся. Она просто глаз с него не сводила, на что обратил внимание даже вечно благодушный Сережа. Да и как не обратить, если Анна вырвала у него свою руку и всем корпусом отшатнулась от приятеля, словно стесняясь. Сергей Давыдов набычился на соперника, сидевшего напротив, но, натолкнувшись на прищуренный взгляд, стушевался.

Вика тоже нахмурилась, наблюдая за разыгравшейся пантомимой: как бы не случилось скандала.

К счастью, Юрий Громов вел себя безупречно. Он являл разительный контраст со своим «другом детства» (как он успел отрекомендовать Владимира), излучал оптимизм и искреннее участие. Кажется, Громов был из тех, кто легко сходится с людьми и всегда готов дать выговориться собеседнику или удачно пошутить.

Урусов, стяжавший славу великого болтуна, без всякой ревности принял конкурента, и они вдвоем, наперебой, развлекали общество, травя байки из жизни актерской и ученой братии. Неожиданно столик антрепренера стал самым жизнерадостным местом в столовой.

— Молодой человек, вы неправильно избрали себе профессию, — обратилась к Громову режиссер, вытирая слезы после очередного анекдота. — Вам надо было на сцене играть.

— А полярники на зимовке много смеются? — спросила Анна. — Или там совсем не до шуток?

— Чувство юмора скрашивает жизнь, где бы ты ни находился, — ответил Громов. — Главное, воспринимать подшучивания спокойно и не заводится.

— А женщины в Антарктиду работать ездят? В космосе бывали, а на шестом континенте? — полюбопытствовал Урусов.

— Женщины в Антарктиде зимуют, но редко. Если не считать туристов и временных гостей, то счет примерно такой же, как и в космосе. Впрочем, для Антарктического полуострова надо сделать исключение, там живут семейные люди. У них и дети рождаются.

— Да быть такого не может! — воскликнул недоверчиво Давыдов.

— Аргентинские власти до сих пор претендуют на часть антарктических территорий, — пояснил Громов, — из упрямства или по привычке. Начали они с того, что построили городок в самой северной точке Антарктиды и послали туда беременных женщин с мужьями. Это происходило на станции Эсперанца в последней четверти 20 века, — прибавил он, обернувшись к своему приятелю Владимиру. — Она считается провинцией Огненной Земли.

— Да уж я наслышан, изучил вопрос досконально, — пробормотал тот. — Как понимаю, аргентинцы там до сих пор живут, а не служат.

— Да. У них и магазины есть, и школа, и банк с почтой.

— Бедняжки, — посочувствовала им Анна. — Как они только решились?

— Вопрос престижа, наверное. Что касается наших женщин, — продолжил Громов, — то их за всю историю оставалось на зимовку не более десятка. В основном, жены полярников, которые работали метеорологами, поварами или врачами.

— Я читал, что в девяностые годы на немецкой станции была организована чисто женская зимовка, команда состояла из высококлассных эмансипированных, готовых к любым трудностям специалистов, — опять вступил в разговор Владимир, — но эксперимент провалился. Через полгода немцы были вынуждены отправить туда специалистов-мужчин для приведения объектов инфраструктуры в нормальное состояние.

— Слабый пол не справился с трудностями быта? — усмехнулся Урусов. — Бывает. Ни крышу починить толком, ни гвоздь вбить рафинированные жители Европы небось не умели.

— Да дело даже не в этом. Понимаете, на морозе любая мелкая неисправность превращается в огромную проблему, требующую чисто физической силы, — пояснил Громов. — Например, буксировочный трос невозможно распрямить из бухты, потому что он примерз, и приходится прилагать невероятные усилия. Семь потов сойдет, пока справишься. И постоянно таскать тяжелые грузы, бочки, мешки. Когда стоит вопрос выживания, про равноправие полов приходится забыть.

Ужин подходил к концу, когда старпом привел на остававшийся незанятым стул припозднившегося пассажира. Им оказался слегка взлохмаченный, высокого роста, но сильно сутулившийся парень лет тридцати пяти, одетый в выдавший виды коричневый пиджак и черные мешковатые брюки. Сквозь тяжелые очки в роговой оправе на присутствующих взглянули по-детски беззащитные, добрые глаза.

— Простите, — с нервным смешком заявил вновь прибывший, — я немножко заблудился... Сначала перепутал каюты, потом палубы, потом время.

— А вы точно не перепутали корабль, месё Паганель? — весело осведомился Урусов. — Если что, мы плывем не в Индию, а в Антарктиду.

— Я? Да нет! — мужчина коротко рассмеялся. — Я потерялся, но не до такой степени.

Виктория Завадская сразу прониклась к новому соседу симпатией. Он и впрямь чем-то неуловимо напоминал Паганеля из романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Да еще оказался ученым, правда, не географом, а историком.

— Я писатель, исследователь, сейчас работаю над документальной книгой по истории Антарктиды, — сообщил он и представился: — Геннадий Альбертович Белоконов.

Присутствующие тоже назвали себя.

— В какой армии состоите? — любопытствовал Урусов — В армии полярников или в армии Павла Долгова?

— Я еду в Антарктиду, чтобы все увидеть своими глазами, проверить или опровергнуть одну гипотезу, — пояснил Белоконов. — Как частное лицо. А еще меня попросили прочесть небольшую лекцию для желающих. Завтра в 15.30. Приходите, кому интересно. Это будет где-то в салоне. Наверху...

— И о чем лекция? — спросила Вика.

— Об открытии Антарктиды, полярных исследованиях и, конечно, будоражащих тайнах шестого континента. Расскажу о том, что меня увлекло и о чем буду писать в книжке.

Официант принес Геннадию Белоконову его порцию, и тот рассыпался в благодарностях, помогая снять тарелки с подноса.

— Очень интересно, — сказала Вика, — я постараюсь прийти.

— Я тоже, — сказала Анна.

В этот момент вновь появился старший помощник капитана и обратился ко всем присутствующим с просьбой не расходиться, а прослушать объявление. Далее он стал рассказывать о царящих на борту порядках, в то время как двое официантов раздавали пассажирам распечатанные на принтере листы со схемой палуб.

— В каждой каюте есть радио, которое мы просим никогда не выключать, — вещал старпом. — По нему капитан будет предупреждать вас о всех значимых событиях во время плавания. Каждое утро в 8.30 звучит сигнал пробудки. После чего дежурный офицер или сам капитан зачитывает мировые и внутрикорабельные новости. Завтрак для вашей группы подается в 9.30. С 11.00 вашему вниманию предлагаются интеллектуальные развлечения: семинары, интерактивные занятия, шахматы и настольный теннис в кают-компании. В 14.30 обед. После обеда выступления ученых в лектории и свободное время. После ужина в 19.30 к вашим услугам кинотеатр и театральный зал. Чтобы вы не запутались, о начале лекций, киносеансов и всего остального вам будет сообщаться по громкой связи. В случае появления на горизонте стада китов капитан также предупредит по радио, чтобы вы смогли сделать красивые снимки. Наш путь до Антарктического полуострова, если не помешает погода, продлится двое с половиной суток. Мы пересечем пролив Дрейка и сделаем остановку на Южных Шетландских островах. Завтра с 11.00 в гардеробной на нижней палубе будут раздаваться теплые вещи: куртки, комбинезоны и сапоги, которые являются подарком от организатора круиза. И последнее. Напоминаю, что прямо сейчас в кинозале вам будет показан фильм об Антарктике, а после него новый голливудский блокбастер. От лица всего экипажа желаю вам приятного путешествия и отличного отдыха!

— Ну, у кого отдых, а у кого репетиция, — громко сказала Бекасова. — Господа артисты, прошу вас заканчивать ужин и идти расходовать калории в салон номер три по правому борту. Мы прогоним «Прекрасную жизнь».

От столиков с артистами послышались недовольные вздохи, но все подчинились.

— Наша прекрасная жизнь еще не началась, а ее уже прогоняют, — пробормотал Давыдов.

— А мне можно присутствовать на репетиции? — поинтересовалась Анна, цепляясь за рукав начавшего подниматься Сергея. За время ужина она уже взяла себя в руки, вернула на

лицо прежнее веселье и больше не смотрела в сторону телохранителя, а пыталась замириться с Сергеем.

Последний взглянул на Бекасову с таким видом, будто ожидал грозного отказа. Но у режиссера было отличное настроение, и она милостиво кивнула.

— Можно. Только сидите очень тихо.

— Ань, не лучше ли завтра, на спектакле? — вдруг поморщился Сергей, решивший все-таки немного поерепениться.

— Завтра вечером у нас ночное представление, в семь мы сами будем репетировать, — вздохнула Анна. — Увы, дорогой, график очень странный. Сначала мы работаем изо всех сил на корабле, потом умираем четыре дня от безделья в отеле на берегу.

— Никто нам умереть от безделья не даст, — буркнул Сергей. — Будем репетировать до изнеможения.

— Бедненький, — Анна взяла его под руку, мимолетно погладив по плечу, и они пошли к выходу. — А знаешь, я так хочу посмотреть на долину Драконий Зуб! Может, купим экскурсию на месте? Я знаю, так тоже можно. В отеле есть подобная услуга.

— У меня же денег нет, забыла? Я теперь даже магнетик на холодильник не куплю...

Виктория бы тоже не отказалась встать на место баловней судьбы, которым повезет увидеть много интересного во внутренних областях шестого континента. Хотя циркачка по-прежнему ей не слишком нравилась, сейчас она выражала созвучные ее настроению мысли.

— Надеюсь, вы не собираетесь лететь вместе с гостями Долгова в сухие долины? — тихо спросил у Вики Юрий Громов, когда они выходили из столовой.

Вика подумала, что ее выдало излишне мечтательное и, чего греха таить, тоскливое выражение лица.

— Меня не приглашали, — ответила она прохладно.

— Возможно, и к лучшему. Я бы тоже не полетел, если б мог.

Эта реплика ее зацепила. Ей показалось, что Громов пытается ее утешить. Она резко повернула к нему голову и произнесла:

— Считаете, я им завидую?

— Нет, что вы, — он немного растерялся

— Поездка не была мною запланирована, поэтому трудно судить, как много я потеряю, не увидев эту достопримечательность. Возможно, и ничего.

Юрий остался в коридоре смотреть ей вслед. Вика шла, независимо распрямив спину и покачивая обтянутыми узкими джинсами бедрами. Ее русые волосы, завивающиеся на концах, игриво раскинулись по плечам.

— Нравится? — спросил его Владимир, по-дружески хлопая по спине. — Понимаю. Но девица с гонором, держись от нее подальше.

— Тебя забыл спросить.

— Хоть и не спросил, а я скажу. Виктория Романовна Завадская, 23 года, совсем недавно из театрального училища, но говорят, подает надежды. Не замужем, детей нет. Отец механик сцены, мать костюмерша, младший брат Олег заканчивает 9 класс. В порочащих связях не замечена, в пьянках-гулянках не уличалась, за что получила прозвище «снежная королева», однако сердца разбивает направо и налево. Актрисы эти все... те еще штучки!

— Перестань.

— Я, старик, из самых лучших побуждений. Я же на них на каждого досье солидное собрал, ты знаешь. Биография у Завадской чистая, но только на первый взгляд. Она мне Миледи из «Трех мушкетеров» напоминает. Красивая, умная и столь же коварная. Если на Стальнова не работает, хотя именно таких он в шпионки и привык определять, то все равно слопают тебя и не подавится.

— По-моему, ты просто параноик, — сказал Громов. — Все они милые нормальные люди. А покушения надо ждать по возвращению из плавания. Тут узкий мирок, ограниченное количество людей. О том, что мы сменили заказанный корабль на этот ледокол, да еще в последнюю минуту, никто не мог догадаться заранее.

— Стальнов поклялся отомстить Долгову за порушенный бизнес, а такие люди слов на ветер не бросают. Мы не в безопасности.

— Но свадьба состоялась, и мы благополучно вышли из Ушуаи. Если нам и следует теперь чего-то опасаться, так только внезапного шторма, которыми славится пролив Дрейка. Расслабься, Вова!

— Расслабляться не время, Юра. И тебе в том числе. Первым делом, как поется в старой песне, самолеты. Так что, если надеешься ее заставить с тебя глаз не сводить, лучше отложи до иных времен.

— Таких, как она, заставить нельзя.

— Тогда тем более остынь, — Володя снова хлопнул его по спине. — Меньше будет сожалений, что она тебя не выберет.

Громов лишь вздохнул.

* * *

Репетиция затянулась до позднего вечера. Бекасову постоянно что-то не устраивало. Даже те сцены, что прежде не вызывали нареканий, сегодня ей не нравились.

— Это комедия повышенной легкости, как можно играть столь тяжеловесно? — сердилась она. — Сергей, ты понимаешь, что тебе должно быть все в кайф: жить в кайф, сидеть в кресле в кайф, даже с женой своей любимой ругаться и то в кайф! На самом деле ты беззлобный и безобидный, поэтому прекрати корчить зверские рожи! Понял? Хорошо. Теперь с тобой, моя дорогая, — накинулась она уже на Вику. — Тыводишься на эту роль, можно сказать, с колес. Но ты же видела записи с основной исполнительницей, так? Почему бы тебе не попробовать делать то же самое, что и она?

— Я боюсь, что, начав слепо копировать, не впишусь в характер, и пойдет фальшь, — возразила Виктория.

— У нас нет времени на эксперименты, рисунок был найден, поэтому иди по схеме! А если где-то что-то не ляжет на твою индивидуальность, я поправлю. Хотя поздно пить боржоми...

Было уже начало двенадцатого, когда режиссер выдохлась и отпустила издерганных актеров по каютам.

— Я не знаю, как вы будете завтра решать проблему, — напутствовала она, — но если никто в зрительном зале не заплачет себе глаза от смеха, пеняйте на себя!

Едва переставляя ноги от усталости, которая была больше эмоциональной, чем физической, Вика брела по узким коридорам и лестницам, боясь заблудиться и свернуть не туда — как это случилось с писателем Белоконовым, к которому уже прочно пристала кличка «Паганель». Ей казалось, что после богатого на впечатления дня все свободные от вахты или выступлений люди должны спать без задних ног, и потому удивилась, когда, спустившись на третью палубу, услышала сквозь приоткрытую дверь мужские голоса.

В кают-компании было накурено, и звучала гитара. Вика моментально узнала голос Юрия Громова. Приятным баритоном он пел шуточную песню из разряда тех, что исполняют на студенческих капустниках:

Хочу сказать тебе, мой друг,

*Ты только не таи обиду,
Хороших много мест вокруг,
Зачем ты едешь в Антарктиду?*

Ей вдруг смертельно захотелось войти в эту комнату, присоединиться к шумным и наверняка интересным людям. Может, тоже попросить гитару и спеть...

Но Вика прошла мимо.

3. С чего все началось

Юрий Громов и Владимир Грач

Володька Грач и Юрка Громов были с детства не разлей вода. Их отцы дружили, вместе ездили на рыбалку и жарили на даче шашлыки (они были соседями по садовому кооперативу и на этой почве сошлись). Их сыновья, хоть и имели существенную для детских лет разницу в возрасте, тоже сдружились. Сначала общались только летом на даче, потом стали захаживать друг к другу и после школы.

Володька был старше на три с лишним года, но живой и сообразительный Юрка пользовался его уважением за то, что всегда был спор на всевозможные проказы и придумки. С ним не было скучно, а это качество Володька ценил в приятелях больше всего. В свою очередь спортивный Грач привил Громову любовь к спорту. Вот так они и жили: ходили в одну спортивную секцию, смотрели одни фильмы, играли в одни игры и читали одни книги. Но с окончанием средней школы пути их круто разошлись.

Первым вылетел из гнезда Володька. Еще в старшем классе заслуживший первый дан каратэ, он избрал военную стезю и надолго пропал из глаз. Юрка по нему скучал, но собственные хлопоты скоро отвлекли его от грусти-печали. Отличник, спортсмен и капитан школьной команды КВН, он бурно и насыщенно прожил три последних школьных года и, благополучно сдав экзамены, поступил на географический факультет столичного университета.

Первые годы вынужденной разлуки друзья худо-бедно поддерживали связь: звонили, переписывались, Юрка даже заглядывал к соседям, чтобы справиться об успехах курсанта, а позже — новоиспеченного лейтенанта Владимира Грача. Но постепенно эти визиты становились все реже, Юра увлекся альпинизмом и стал пропадать в экспедициях. Ну, а Володя служил там, куда Родина пошлет, причем, чаще всего в местах, не подлежащих разглашению. И нет ничего удивительного, что их некогда крепкая дружба выродилась в приятные воспоминания об означенной дружбе.

Однако когда дело заходит о поистине важных вещах, близкие дружественные связи восстанавливаются очень быстро.

Около трех месяцев тому назад в квартире Громова раздался дверной звонок. Открыв, Юра увидел на пороге возмужавшего и заматеревшего Владимира Грача. Надо отметить, что хозяин квартиры не только ни капли не удивился внезапному появлению, но и воспринял это как должное.

— Ничего, что так поздно? — спросил Грач и протянул пакет с продуктами из кругло-суточного супермаркета. На часах была половина десятого вечера.

— Заходи, — взяв пакет, Громов гостеприимно раскрыл пошире дверь. — Пельмени варю как раз, будешь?

— Буду. А где твои?

— Нет никого, один живу.

— Что так?

— Мать умерла, на днях полгода было, а женой и детьми не обзавелся.

— Соболезную.

— А ты чего такой неприкаянный? Из дома выставили?

— Нет, специально к тебе ехал. У меня дело на миллион. Поможешь?

— Чем смогу.

Они прошли на маленькую кухню, где в кастрюле на газовой плите булькала кипящая вода. Юра вытащил из морозилки пачку пельменей, а Володя опорожнил пакет, расставив на столе принесенные яства. В центр поставил бутылку водки.

— Употребляешь?

Юра оглянулся, оценил натюрморт:

— Без фанатизма.

— Ну и я без фанатизма. За встречу только.

Громов сходил в комнату за рюмками, потом наложил в глубокие тарелки поспевшие пельмени. Они выпили, закусили, ополовинили колбасную нарезку.

— Давай по второй за твою маму, не чокаясь. Пусть земля ей будет пухом, — предложил Грач. — Галина Анатольевна классная была, а уж какие пирожки пекла! До сих пор помню. Болела?

— Нет, все быстро произошло. Инфаркт. А отец еще пять лет назад в аварию попал.

— Про это слышал, мать писала. Несладко тебе пришлось..

— Ничего, выжил.

Они доели пельмени, помолчали. Между ними не было натянутости, какая случается между двумя абсолютно чужими людьми. Напротив, каждому казалось, что расстались они совсем недавно, потому и говорить особо не о чем.

— Твои-то родичи как? — спросил наконец Громов.

— Нормально. На даче теперь постоянно живут. Квартиру сдают.

— А ты? Женился?

— Недосуг было.

— Или правильной девушки не встретил.

— Или так. Ты тоже, смотрю, холостой.

— Меня дома почти не бывает, какая девушка?

— Здесь я от тебя не сильно отличился.

— Молва шла, ты в спецназе служил.

— Сначала там, потом в военной полиции, но уже полтора года в отставке. Комиссовали меня по ранению. Сейчас я начальник личной охраны одного крутого босса. Вот из-за него к тебе с просьбой о помощи и явился.

— Уже интересно, — Громов облокотился локтями о стол. — Чем я заинтересовал твою крутую шишку?

— Не его лично, а меня. Я верно слышал, что ты два года в Антарктиде провел?

— Правильнее будет — две зимовки.

— Один хрен. Главное, ты все там знаешь.

— Ну... Ладно, не буду придираюсь к словам. Излагай, к чему ведешь.

— Мой босс — это Павел Долгов, — сказал Грачев и замолчал, полагая, что этим все сказано. Но Громов не уловил скрытого намека, поскольку о Долгове ничего не слышал.

— Долгов — молодой эксцентричный тип, — пустился в объяснения Грач. — В принципе, с ним нормально все. Я работаю на их семью больше года, сразу, как на гражданке оказался. Сначала на подхвате там, считай, был, а потом у них такая петрушка заварилась... Совсем не слышал, что ли?

Громов помотал головой.

— Ну ты даешь, про это ж все газеты писали. Ладно, если вкратце, его отца застрелили на балконе загородной резиденции. Вместе с женой. По всем признакам сработал профессионал. Как к нему все дела перешли, Паша заменил на ключевых постах отцовских людей своими. Мне он доверял — мы с ним путешествовали вместе. Точней, он путешествовал, а я охранял. Короче, он предложил мне возглавить команду его личных телохранителей, и я согласился. За главного по безопасности у нас отставной полковник Борзин, но он на фирме в основном сидит. Потому что фирма эта у Долговых не простая, а дюже секретная. «Лаборатория перспективных исследований» называется, входит в холдинг «Долгов интерпрайзис». Хотя и частная лавочка, но военные в ней свой интерес имеют, папаша Долгова с оборонкой контракты заключал. Ну,

а я, как глава отдела, отвечаю за дом, телохранителей, гостей шмонаю, прислугу проверяю, а в производственные дела не лезу.

— Сработался с Долговым?

— Вполне. Но Павел задумал жениться.

— Сколько ему лет?

— Тридцать один. Он твой ровесник.

— Тогда не вижу проблем, он совершеннолетний. Или дело в будущей жене?

Грач усмехнулся:

— Ее зовут Патрисия Ласаль.

— О! — вот это имя сказало Юрию о многом. — Та самая Ласаль? Основательница фонда «Миссия достойных»?

— Ты ее знаешь? Хорошо.

— Наслышан, хотя лично не доводилось. Ученая дама, красивая, богатая. Твоему Долгову впору позавидовать. Хотя... если проблема в том, что она иностранка, а у Долгова секреты государственной важности...

— Это тоже не айс. Но босс есть босс, и запретить ему встречаться с иностранкой ныне никто права не имеет. Он не военный и не простой работник «почтового ящика». А Патрисия ради любви готова принять российское гражданство, жить в Москве и даже в православии крестилась. Так что свадьба дело решенное. Но по мне, главная проблема в том, что француженка такая же эксцентричная, как и Павел. Ты только прикинь: они впервые встретились на Эвересте, замуж он ее позвал, сплавляясь по Амазонке, ну а свадьбу они решили отметить в Антарктиде.

Громов улыбнулся:

— Круто. Похоже, эти двое нашли друг друга. А чего ты хочешь от меня?

— Как минимум, получить профессиональный совет. Как максимум, просить помочь с организацией круиза.

— Знаешь, у меня времени нет ублажать богачей.

— Ты все же подумай, Юра. Патрисия дама влиятельная, сам говорил. Если ты ей понравится, она выделит тебе грант на исследования. Тебе же нужен грант для твоей гляциологии?

— Ух, какие ты слова знаешь! — восхитился Громов.

— Я подготовился, — усмехнулся Грач. — Да и вознаграждение само по себе будет неплохим. Ты им услугу окажешь, они тебе. У нас все дела так делаются.

— Есть куча фирм, которые занимаются турами в Антарктиду. Обратись к ним. У них и гиды есть.

— Они не делают индивидуальные туры, а те, кто делает... меня смущают некоторые вещи. В общем, без твоих пояснений никак не разобраться.

— Ладно, но почему этим занимаешься ты, а не какая-нибудь секретарша?

— Я занимаюсь безопасностью. И не согласен со многими предложениями по многим причинам. Но чтобы понять, чего мне впаривают, я должен вникнуть.

— Хочешь произвести впечатление на босса и доказать, что не зря он тебя повысил до начальника отдела?

— Там сложно все, — Грач не обиделся. — Свадьбу, как понимаешь, планировали давно, этим еще мой предшественник занимался. Но после убийства Долгова-старшего его уволили, церемонию бракосочетания, понятно, отложили. Однако невеста больше ждать не хочет, а жених ей слепо потакает. В общем, год траура близится к завершению, и все теперь повесили на меня. А меня эта антарктическая гулянка смущает.

— Подробнее можешь?

— Если подробнее, то надо начать с невесты. Патрисия, в общем-то, девушка хваткая, знает, чего хочет. В Павла вцепилась сразу, обрабатывала его грамотно. Все же на моих глазах

происходило. Влюбилась в него, значит, и в атаку пошла. И ни одной ошибки! Вот чес-слово, Юр, снайперша просто, а не девица. Уже через месяц Паша ей предложение сделал. Но тут трагедия случилась, и все застопорилось.

— По-моему, она тебе не нравится, — сделал вывод Громов.

— Дело не в том, нравится или нет. Вообще-то, отношения у меня с Патрисией ровные, даже дружеские с ее стороны. Это она рекомендовала Паше поставить меня начальником, так что я ей карьерным взлетом обязан.

— Я угадываю в твоих интонациях крупное «но».

Грач вздохнул:

— Мне порой мерещится, что свадьба для Патрисии только предлог, и куда больше ее занимают совсем другие вещи.

— Международный шпионаж?

— Нет, я в эти дела не лезу, говорил же. Пусть из-за шпионажа и гостайны у полковника Борзова голова болит. Мое дело обеспечить безопасность на свадебной церемонии и далее по охране доверенных лиц. Раз Борзов свое добро на свадьбу дал, значит, все вопросы они уладили. И Антарктида в качестве свадебного путешествия никого наверху тоже не напрягает. А меня, Юр, в том-то и дело, напрягает именно Антарктида.

— Ладно, Вов, может, не так страшен черт, как его малюют. Чего она хочет?

— Чего она хочет... — повторил Грач уныло. — Обычный набор туристических приманок ни Патрисию, ни Павла не устраивает. Но это и понятно. Все круизы там скучные как на подбор. В основном, фирмы предлагают маршруты из разряда «тупо посмотреть». Пять дней максимум на берегу, шаг влево, шаг вправо только под надзором гида. Дикарем путешественник не имеет права приехать в Антарктиду из-за ее статуса особой территории. Даже если удастся собрать кучу бумажек и разрешений, диктовать маршруты человек все равно не может. Бери лишь то, что дают. Туристический бизнес преимущественно в руках американцев, аргентинцев, чилийцев и австралийцев, а они ни на букву не отступают от закона. Научная экспедиция тоже требует одобрения и согласований на самом верху, и даже фонд «Миссии достойных» ничего сам по себе не решает.

— Правильно. Антарктида это практически один большой заповедник со сложными климатическими условиями, никаких «дикарей» там быть не должно. Даже в Арктику попасть непросто. Сунешься без договоренностей, пограницы мигом обратно завернут. И хорошо, если просто пожурят.

— Вот-вот. Но мои-то жаждут не просто эксклюзива, они желают изобразить из себя настоящих исследователей. У них есть научный проект и деньги, но нет разумного представления, как все это организовать по-нормальному.

— Какой проект?

— Что-то историческое. Идущее под грифом «Сохранение культурного наследия». Пат хочет организовать экспедицию в сухую долину оазиса Драконьего Зуба. Знаешь такую?

— Нет, не был там. Это оазис в глубине Земли Королевы Мод, кажется.

— Да. Там две долины, затерянные внутри невысокой горной цепи. Снега там почти нет, зато бьют горячие источники. Вот туда голубки и намылились. Собираются осмотреть таинственные руины.

— Таинственные что?!

— Руины, — повторил Грач чуть менее уверенно, — развалины старой базы.

— Какой еще базы? Отродясь там не было ничего.

— Вроде бы всплыли какие-то документы, что была база. Но очень давно. И ныне законсервирована.

— Ах, вот в чем дело! — воскликнул Громов. — Кажется, я догадываюсь. Они начитались сомнительных брошюр про нацистскую базу в Антарктиде и Новую Швабию. Так?

Грач качнул головой:

— Там не брошюры виноваты. В Фонд Патрисии Ласаль обратился некий Жак Дюмон. Он нашел в архивах документы с точными координатами этой базы. Якобы вблизи пика Драконьего Зуба после войны с фашистами была построена исследовательская станция, но потом ее по какой-то причине забросили и забыли. И нигде, ни в одной энциклопедии про нее нет ни слова. Дюмон жаждет восстановить справедливость.

— Вы его по своим каналам проверяли? Может, авантюрист какой?

— Проверяли. Его и фонд Патрисии проверял, и Борзов. Патрисия Дюмону доверяет и лично жаждет убедиться в наличии загадочной базы.

— Странно все, конечно, но пока никаких проблем не вижу. Разрешения по Антарктиде они рано или поздно добудут. На сколько месяцев рассчитана их поездка?

— Каких месяцев, Юр, пять — максимум шесть дней! Или ты забыл, с чего я начал? Молодожены поедут не одни, а с гостями. У них же свадьба!

— Чего? — Громов был настолько удивлен, что решил, будто ослышался. — С гостями? На Землю Королевы Мод? Шампанское пить?

— Да-да, шампанское, — Владимир поморщился. — А экспедиция в долину будет тайной. По замыслу Патрисии, они заявляются всей компанией на Беллинсгаузен — туда, где церковь. Венчаются, отмечают Новый год, фотографируются с пингвинами. А потом, под шумок молодожены вместе с Дюмоном арендуют самолет — вроде как покататься, и отправляются к Драконьему Зубу. Туда-обратно на двое суток. А гости продолжают веселиться на берегу. Операция «Свадьба» как прикрытие.

— Но что можно успеть за двое суток? Тупо сфотографировать полуразвалившиеся домики, если они там и правда имеются?

— Вроде того. Они еще по горам собираются ползать, берут с собой альпинистское оборудование. Но поскольку оазис Драконьего Зуба далеко от Беллинсгаузена, нам нужен четкий и грамотный маршрут, чтобы уложиться в отведенные сроки и не потеряться. Потому я и обратился к тебе, Юр. Ты воробей стреляный, как тамошний быт устроен, знаешь. Да и среди альпинистов не последний человек. Твое присутствие мне вот так нужно, — и Грач провел ребром ладони по горлу.

— С ума сойти, — сказал Громов. — Это безумие какое-то. Если им нужно в Землю Королевы Мод, логичнее добираться через Кейптаун и Мирный, а не через Беллинсгаузен. С Беллинсгаузена у них сутки на дорогу уйдут.

Володя развел руками:

— Тогда весь мир узнает, что они летят в долину на поиски станции. А это страшный секрет. Отель пять звезд и церковь-то только на Беллинсгаузене! И гостей там запросто можно на гидов бросить.

— Ничего не понимаю. Почему поездку в оазис обязательно надо держать в секрете?

— Жак Дюмон, а вслед за ним и Патрисия убеждены, что существует заговор на уровне государств по поводу этой дурацкой станции. Понятия не имею, что там такого может быть, станция построена ориентировочно в сороковых годах прошлого века, и скорей всего в ней просто отпала нужда. Собственно, для выяснения всех причин Ласаль с Дюмоном туда и нацелились. Они желают, чтобы мир узнал правду, и всяческие спекуляции на эту тему прекратились раз и навсегда. Была станция — не было ее, ну, ты понимаешь...

— Понимаю, это основная идея благотворительного научного фонда Патрисии Ласаль, — кивнул Громов. — У них лозунг «Гласность. Объективность. Справедливость. Будущее». Но Долгов куда смотрит?

— Он смотрит на Патрисию и ест из ее рук. Теперь ты врубаешься наконец, что все это только моя головная боль? Может, я параноик, и другой на моем месте вообще бы не парился. Но меня сильно смущает эта затея.

— Сенсация вполне может оказаться дутой.

— Так-то оно так, но я вынужден учитывать самый негативный сценарий. Если мои подопечные вступят в конфликт с силами, намерено скрывающими правду, им и целая армия не поможет.

— Уволиться не хочешь?

— И бросить Павла в одиночестве на съедение *мадмазели*? Да я гнидой буду, если оставлю нуждающегося в помощи, потому что жаренным запахло. Коли я сделал глупость и ввязался, надо идти до конца. Всегда есть иной выход, кроме бегства.

Юра Громов задумчиво подцепил ломтик ветчины и отправил в рот. Но вкуса особо и не почувствовал, потому что его голова была занята другим.

— Хорошо, Вов, я с тобой. Не ради гранта по гляциологии, а ради тебя. Сдается мне, ты там увяз в какой-то мерзости.

— Не то слово, Юр. Спасибо! — прочувствованно сказал Грач. — Век не забуду.

— Для начала расскажи, что тебе известно. Ты же справки наводил?

— Наводил, конечно. Я даже всю эту поездку распланировал, но с логистикой у меня не очень выходит. Даты не стыкуются. Вообще, как оказалось, это не первая и не последняя свадьба в Антарктиде, и на причуды гостей и молодоженов там смотрят снисходительно. На острове Ватерлоо или, по-новому теперь — на Кинг-Джордже, есть православная церковь. Она недалеко от нашей станции Беллинсгаузен. Туда многие из России летают жениться. Рядом с церковью построен отель для туристов. Раньше просто палаточный городок был, теперь стоит капитальное здание в три этажа. Есть договоренность с местным аэродромом, с Кинг-Джорджа отельеры туристов пачками отправляют по разным точкам: на Южный полюс, на ледники, на Мак-Мёрдо к американцам. В Землю Королевы Мод в альпинистский лагерь тоже есть маршрут, но дорогой очень, не каждый день летают. В принципе, Патрисия права: затеряться среди туристических групп на Кинг-Джордже можно. Беллинсгаузен и чилийская станция Фрей, которой принадлежит аэропорт, это перевалочная база, откуда полярники и гости разъезжаются по всему континенту. Разве что нужную нам долину в программу посещений никогда не включают. В принципе, в оазис Драконьего Зуба есть маршрут, но в долину по соседству, где британцы обосновались. У них горнолыжный спуск, купание в озёрах и Кровавый водопад на перевале Шаповалова. Сутки-двое в палаточном городке с осмотром пейзажей на вертолете. Но Патрисии в палаточный городок не нужно. А туда, куда нужно, где была основана таинственная станция, путь закрыт.

— В смысле, закрыт?

— Зона особого посещения. Режимная, вроде как. Но ты же понимаешь, что сделать на вертушке крюк не проблема.

— Пилот откажется, — с сомнением произнес Громов.

— Деньги решают все. На худой конец у Патрисии есть летное удостоверение.

— М-да, — Юра подпер кулаком голову. — И, разумеется, то, что в случае проблем, им придется из своего кармана оплачивать спасательную операцию, твоих голубков не смущает.

— Юр, ты мне и нужен, чтобы проблем не было. Надо продумать все нюансы, договориться заранее, закупить оборудование, палатки, провизию. Выйти на нужных людей.

— А неприятности с оглаской?

— Поскольку это *свадьба*, — Грач выделил голосом последнее слово, — неприятности данного рода начнутся по возвращению. Пока мы в Антарктиде, все будет выглядеть прихотью богатых людей.

— Богатым людям в Антарктиде умеют говорить нет.

— Но ты же наверняка знаешь лазейки или сумеешь найти к нужным ребятам подход.

— Ты слишком многого от меня хочешь.

— Я думаю, что все вполне решаемо. И в качестве исключения, и вообще. Надзорных органов там нет, полиция на дорогах не дежурит, а двое суток, в которые мы обязаны уложиться, это и вовсе не срок. Главное, как я понял, не мусорить в заповеднике, не копать ям и не взрывать ничего. Но Паша с Пат и не собираются. Да и мы с тобой проследим за порядком.

— Ладно, пусть едут в Антарктиду, — сказал Юра, помолчав. — Может быть, карма у них почистится. Обратно уже другими, просветленными людьми вернутся. На какое число назначена свадьба?

— На 24 декабря, в сочельник, — откликнулся Володя. — Они расписываются в мэрии на родине Патрисии, празднуют в небольшом ресторанчике, а на следующий день вылетают в Аргентину. Там в порту Ушуаи их будет ждать яхта.

— Что за яхта?

— Личная яхта Долгова.

Громов скептически поджал губы:

— Надеюсь, не парусник?

— Нет, современная, двухпалубная, может взять на борт десятка два пассажиров. Экипаж проверенный...

— Ее может зажать льдами. Год на год не приходится, но это тоже придется учитывать.

— Свадьба запланирована на конец декабря, в тех широтах разгар лета, какие льды? — не понял Грачев. — И можно переправиться на шлюпках. Я видел фотографии в интернете.

Юра фыркнул и махнул рукой :

— Лето в Антарктике последние годы непредсказуемое. Если на Севере все тает, да и то не везде, в Антарктиде ледовое покрытие стремительно нарастает. Много айсбергов, что опять же нехорошо для мелкой яхты. К тому же в проливе Дрейка, разделяющем Антарктиду и Огненную Землю, в это время случаются десятибалльные шторма. Я рекомендовал бы зафрахтовать нормальный корабль, а лучше ледокол. Ведь сумма для вас не проблема?

— Я этот вопрос продумаю, — Грач взглянул на Громова с благодарностью. — Ну, а как насчет твоего личного участия? Поплывешь со мной? Мне будет спокойнее ощущать рядом твое надежное плечо.

Вот так Юрий Громов, обычный учёный-гляциолог и оказался на борту корабля, увозящего его к холодным берегам.

* * *

Впрочем, незадолго до свадебной церемонии вдруг резко встал вопрос о том, чтобы опять все отменить.

Дело в том, что Павлу Долгову стало известно имя заказчика, убившего его родителей. Им оказался прямой конкурент, крупный бизнесмен, банкир и политически влиятельное лицо Борис Стальнов. Он схлестнулся с Долговым-старшим за рынки сбыта не на жизнь, а на смерть. Будучи родом из «лихих девяностых», Стальнов, некогда носивший в известной среде кличку Глыба, а ныне ставший уважаемым человеком, по старой привычке не стал стесняться в выборе средств. Прямых улик на него не было, предполагаемого киллера, стрелявшего в Долговых, нашли мертвым в примыкающей к коттеджному поселку лесополосе, но слухи все-таки просочились.

Разозленный наследник тоже не стал церемониться. Задействовав все мыслимые и немыслимые рычаги (благо от отца к нему перешел изрядный компромат на Стальнова, обнаружившийся в потайном сейфе), он натравил на убийцу Следственный комитет, спровоциро-

вал тотальные проверки в подвластных тому банках, перекупил его партнеров и практически поставил Стальнова на грань разорения за какой-то месяц.

Стальнов в ответ пообещал «утопить его свадьбу в крови».

По всем правилам, публичные торжества и поездки на край света следовало перенести на более поздний срок, когда проблема со Стальновым разрешится. И сам Павел вроде как соглашался — но предсказуемо уперлась невеста.

— Они заперлись в кабинете и ругались битый час на смеси русского и французского, — с мрачным выражением лица сообщил Громову Владимир Грач, когда, по ставшей уже традиции, сидел у него на кухне после рабочего дня. — Только и слышно было, что лето в Антарктиде короткое, что Поль ее не любит, что второй раз переносить свадьбу дурная примета. И вообще, если он отказывается жениться, такой-сякой трус и дурак, то пусть убирается ко всем чертям. Угадай с трех раз, чем все закончилось?

— Павел по-мужски ударил кулаком по столу и послал навязчивую девицу подальше.

— Шутишь? — кисло уточнил Грач.

— Значит, от поездки тебе не отвертеться, — усмехнулся Юра.

— Принято решение как можно скорей покинуть Россию, уехав подальше от происков Стального. Но ради безопасности придется все поменять: время, рестораны, маршруты, корабль...

Последнюю неделю Владимир Грач вертелся как белка в колесе, но только перевел дух, как в щель забора, огораживающего дом Долговых, прямо возле охранной будки под прицелом видеокамер какой-то парень в надвинутом на глаза капюшоне просунул белый конверт. Просунул — и пустился наутек, да так резво, что выскочившие охранники парня не догнали. Грач устроил им разнос, но толку-то?

Конверт со всеми предосторожностями Владимир вскрыл прямо в будке. Он готовился узреть что угодно: от компрометирующих фото до белого порошка с сибирской язвой, потому и принял меры. Однако внутри обнаружилась банальная анонимка, написанная корявыми печатными буквами от руки.

— Послание уж больно дурное, дурней не придумаешь, — сетовал Володя, тряся вечером бумажкой перед носом у Громова. — И Пашку оно лишь раззадорило. *«Советую вам отказаться от планов и забыть о Надежде. Или пеняйте на себя»*. Каково, а?

— Как в кино, — фыркнул Громов. — А что Паша?

— Паша предсказуемо сказал, что психов на свете много. Как и шутников.

— А полковник Борзов?

— Он считает, что посланец перепутал дома в поселке. Кинул конверт не в ту щель. Записка напоминает предупреждения ревнивца.

— Он прав, наверное. Невесту Павла зовут Патрисия, а не Надя.

— Однако на антарктическом полуострове есть станция Эсперанца, принадлежащая Аргентине, — сказал Грач. — Я же карту изучил и почти наизусть выучил. В переводе на русский «эсперанца» означает «надежда». И это совсем рядом с Кинг-Джорджем. Поэтому я уверен, что в письме речь именно о поездке и свадьбе. Там Надежда — тут Надежда. Но меня никто не слушает.

— Не факт, Вова, мы на Эсперанцу даже не заходим, — возразил Громов. — У Павла точно нет никаких шашней с девушками на стороне?

— Абсолютно, — Грач был в этом уверен на сто процентов. — Патрисия ему бы такого не спустила. Но даже если... все знакомства и передвижения Долгова я отслеживаю. Была бы девушка, я бы знал.

— Тогда успокойся, — сказал Громов. — Это точно ошибка.

— А если Глыба Стальнов что-то замышляет?

— И зачем бандиту предупреждать о своих замыслах?

— Да черт его знает! Чтобы мы подергались, наверное.

— Ты сам, главное, не дергайся. Все будет нормально, Вова. Раз даже Борзов ничего не заподозрил, значит, к Стальному эта анонимка точно никакого отношения не имеет.

— Борзов усиливает команду телохранителей. Послезавтра целую толпу с собой в аэропорт повезу.

— Они не поместятся на ледоколе, — обеспокоился Громов. — Мы выкупили места только на тебя и твоего помощника, Диму Ишевича. А если свободных кают больше нет?

— Нам бы сначала до ледокола добраться, Юра. Ты же сегодня в ночь вылетаешь в Аргентину? Проверь на корабле все: чтобы никаких подозрительных вещей, внезапной смены повара или уборщицы. И другие пассажиры... хотя с ними сложнее всего. Но ты хоть взгляни, что за люди.

— Взглянем, — кивнул Громов. — Обязательно.

— Хорошо, что свадьбу будут играть за рубежом, — сердито выдохнул Грач, убирая анонимку во внутренний карман пиджака. — Два дня — и мы во Франции. Может, и правда у Глыбы руки коротки. Тебя в аэропорт сопровождать нужно? На всякий случай. Давай я сам тебя отвезу от греха.

— Не надо. Я уже такси заказал.

Юра понимал, что Грачу и впрямь приходится трудно. Положа руку на сердце должности начальника его друг мало соответствовал: не хватало опыта, да и большую часть работы он стремился выполнить сам, не рассчитывая на подчиненных. Грач учился быстро, но ситуация складывалась больно неприятная. Бросить в сложном положении своего друга Громов уже не мог, хотя и мечтал поскорей от этой доуки освободиться.

Мечтал ровно до тех пор, пока не увидел на палубе красивую печальную девушку, дрожащую на промозглом ветру. Юре сразу же захотелось ее обнять и защитить, не только от ветра, но и от любой опасности. А в том, что путешествие действительно будет непростым, он уже и сам не сомневался. Как говорится, паранойя заразна.

Юра дал себе слово, что приложит все силы, чтобы все закончилось благополучно, пусть даже эта холодная красавица и не взглянет ни разу в его сторону.

Однако именно с той минуты краткосрочная поездка в Антарктиду приобрела для него личный интерес.

4. В проливе Дрейка

Утро началось с громкой веселенькой мелодии. Она без всякого предупреждения ворвалась в мирный сон и от неожиданности напугала. Вика порывисто села в кровати и едва не набила шишку на лбу, забыв про второй ярус.

— Мама дорогая! — сверху послышалось недовольное восклицание Анны Егоровой. — Который час?

— Восемь тридцать, — пробормотала Виктория, прикрывая зевок.

С ночи она едва смогла уснуть от перевозбуждения и непривычного гула, исходящего от переборок. Днем шум почти не ощущался, но стоило лечь в постель, как он сделался навязчивым. И вот, только, казалось, удалось смежить веки, последовала побудка.

— Кто рано встает, тому бог подает, — провозгласила Бекасова и первой направилась в туалетную комнату.

Тем временем музыка закончилась, и капитан ледокола, пожелав пассажирам хорошего дня, приступил к оглашению новостей. Говорил он по-английски.

— В Стамбуле вчера вечером произошел теракт у главной мечети города. Ранено три человека, полиция задержала террориста, выкрикивавшего ваххабитские лозунги. В Японии из-за продолжительных проливных дождей эвакуируют город с населением 60 тысяч человек. За один час в префектуре Айти выпало 120 мм осадков. В Австралии продолжают бушевать пожары...

— Ну вот всегда так, — сказала Анна, спрыгивая с верхней койки, — где-то дожди, а где-то ни капли. Как тебе спалось на новом месте, подруга? Жених не приснился?

— Нормально спалось, — ответила Вика. — И не до женихов мне.

— А сама-то покраснела. Ага, я вижу! Вчера тот гляциолог так на тебя смотрел за ужином, ну так смотрел!

— Выдумываешь тоже! — теперь Вика и в самом деле немного смутилась. — Мало ли кто на меня смотрит.

— Нет, ты ему совершенно точно понравилась. Да и сам он ничего: симпатичный и веселый. Его Долгов, между прочим, на должность главного консультанта по науке взял. Что Юрочка Громов скажет, так все и сделают.

— Откуда знаешь?

— Сорока на хвосте принесла. Слушай, Вика, а давай ты ему голову вскружишь?

— Зачем?

— Так элементарно: если он за нас словечко замолвит, то нас тоже в глубь континента на экскурсию возьмут.

— Не хочу. У меня денег нет на экскурсии.

— А гонорар тебе разве не заплатили? Его хватит на оплату поездки и еще на сувениры останется.

— Мне гонорар для другого нужен.

— Да брось! Живем только раз. Чего на деньгах сидеть? Это же такой уникальный шанс все посмотреть, неужели мы его упустим? Ты в курсе, что Долгов с женой полетят на Землю Королевы Мод и будут там жить в комфортабельной палатке и купаться в вулканических озёрах? Только представь, как ты всем потом хвастаться будешь, что не просто пингвинов щупала на берегу, а купалась в водоемах Антарктиды. Тебе сначала не поверят — а ты им фотки поднос! Уверю, они позеленеют от зависти!

— Мне это не интересно, — Вика едва сдержала насмешливую улыбку, где-то в глубине души восторгаясь подобной непосредственностью. Впрочем, чему удивляться? Ане была младше и спешила жить с упоением настоящего безумца.

— Не верю, как говорил Станиславский. Вика, ну чего тебе стоит глазки гляциологу соорудить? — Анна дурашливо сложила на груди ладони. — С твоими данными ты вообще должна на золоте кушать и в бриллиантах ходить.

— Отстань, Ань. Если хочешь, сама гляциолога очаровывай.

— Не, мне с такими умными не по пути.

— Тогда его приятеля. Я заметила, каким взглядом ты телохранителя Долгова пожирала, — Вика вернула Анне ее же шпильку, и с удовольствием наблюдала, как изменилась в лице соседка. — *Настоящий полковник, подруга*. Не правда ли?

— Мне никто, кроме Сереженьки, не нужен, — отчеканила Егорова и добавила со вздохом: — Хоть он и нищий.

Вика хмыкнула и, взяв зубную пасту, щетку и полотенце, отправилась в туалет, располагавшийся в конце коридора под лестницей.

— ...НАСА сообщило, что послать пилотируемый корабль на Марс можно будет уже через семь лет, — продолжал зачитывать новостные сводки капитан. В узком коридоре его голос занимал все пространство, доносясь из скрытых в обшивке динамиков. — К Земле приближается потенциально опасный астероид, скоро его пролет в виде яркого кометного следа смогут увидеть все находящиеся в Южном полушарии, и мы в том числе...

В женском туалете образовалась очередь. Хотя представительниц прекрасного пола было не слишком много, в наличии имелось лишь две кабинки. Вика прислонилась плечом к переборке и стала ждать. Она чувствовала себя слегка разбитой, но предвкушение нового интересного дня постепенно возобладало.

А капитан все вещал, теперь он перешел к внутрикорабельному расписанию и ближайшим планам:

— Сегодня весь день наше судно будет следовать водами пролива Дрейка. Ночью мы благополучно миновали мыс Горн. Метеоусловия по ходу следования приемлемые. Туман над водой скоро разойдется, но днем может немного поболтать. Шторм мы обойдем стороной, и качка будет непродолжительной. Температура воздуха плюс три градуса по Цельсию. Глубина под килем 4700 метров, скорость судна 13 узлов. После обеда ожидаются первые айсберги, о чем команда и пассажиры будут специально предупреждены. Напоминаю, что для участников тура «Антарктида, страна контрастов» с 11.00 на второй палубе будет раздаваться теплая одежда.

Вернувшись в каюту, Вика застала там одну лишь Анну. К ее несказанному изумлению, та сидела у иллюминатора и вертела в руках пистолет. При виде Завадской, она сделала движение, чтобы спрятать смертоносную игрушку за спину, но передумала.

— Настоящий? — поинтересовалась Вика, доставая из чемодана свежую блузку и пряча туда же гигиенический набор.

— Это реквизит. Ты в оружии разбираешься?

— Нет, конечно.

— У меня номер будет, когда я стреляю по мишени специальными пулями с краской.

— А это не опасно?

— Патроны-то холостые. Не бойся, подруга, все одобрено на худсовете. Осталось с капитаном договориться, но это не моя забота. В нашей труппе главный Арсений Сапфиров, он и будет улаживать. А я вот сижу, думаю, почистить бы надо. Оружие любит, когда за ним ухаживают.

— Как только ты его через сканеры в аэропорту пронесла.

— Да как обычно: в plombированном ящике. Для таможи главное не вещь, а правильно оформленные документы. Пистолет со всем цирковым барахлом лежал, а там особая декларация и правила провоза, — пояснила Анна. — Я его только сейчас вытащила. Пусть при мне побудет. Потом потренируюсь немного, чтобы в грязь лицом не ударить. Давно не стреляла.

Вика покачала головой, забрала волосы в хвост и направилась к двери.

— На завтрак идешь? — спросила она у Егоровой, которая так и села возле окна.

— Ты иди, а я попозже подойду. Мне еще к Сереже забежать надо.

Вика покинула каюту.

* * *

За завтраком в столовой собрались не все.

— Кажется, небольшое волнение вывело из строя часть товарищей, — заметил Урусов, оглядывая пустые стулья. — А где наш Сережа?

— Он не выспался, пропустит завтрак, — пояснила раскрасневшаяся (не иначе от бега по корабельным коридорам) Анна, усаживаясь на свое место. — Не волнуйтесь, ко времени спектакля наш герой будет как огурчик.

— «Душа океана» хороший корабль, — сказал Володя. — Как меня заверили, у него «отличная остойчивость», и любая качка будет ощущаться легче, чем могла бы быть.

Анна метнула в его сторону оживленный взгляд, но промолчала.

— Да разве это качка, — весело произнес Урусов, — так, пустячок.

Тем временем Вика невольно присматривалась к Грозову: права Аня или нет? Верно ли он на нее смотрит иначе, чем на других? Уловив ее интерес, Юрий улыбнулся, отчего лицо его приобрело лукавое выражение. Вика не могла не отреагировать, сердце ее забилося чаще.

— Как вам путешествие? — осведомился Громов, чуть наклоняясь.

— Я никогда не плавала на таком огромном корабле, — ответила Вика, — поэтому все кажется необычным. Но если мы попадем в шторм, про который упоминали в новостях, вряд ли мне это понравится.

— Циклон заденет нас самым краем, — уведомил Владимир. — Я беседовал с капитаном, он предпочитает слегка уклониться с курса, но позаботиться о комфорте пассажиров.

— И все же не следует забывать, что мы находимся в широтах, которые называли «неистовыми пятидесятыми», — вставил Геннадий Белоконев.

— А айсберги нам не будут угрожать? — спросила Анна, косясь на телохранителя. — Не хотелось бы повторить судьбу «Титаника».

Владимир снисходительно улыбнулся:

— Современные локаторы вовремя предупредят об опасности. Не сомневайтесь, в этом отношении все будет в полном порядке.

Невольно за столом продолжили беседу о насущном: об айсбергах, географических открытиях и пирате Френсисе Дрейке, чьи именем был назван пролив, по которому они сейчас плыли. Тон задал Геннадий Белоконев, с удовольствием делившийся познаниями.

— Пролив был обнаружен Дрейком случайно, — рассказывал он. — В 1578 году его пиратская флотилия из трех кораблей совершала обычный разбойничий рейд, позднее названный историками «кругосветным путешествием». В то время, чтобы попасть из Атлантического в Тихий океан, мореходы пользовались узким и трудным для навигации Магеллановым проливом, но Дрейку не повезло, при подходе налетел страшный шторм, корабли разметало, а один, флагманский «Пеликан», отнесло сильно на юг. Команда уже и не знала, что делать, но тут за скалами открылся широкий океанский простор. Им удалось обогнуть мыс Горн, тогда еще безымянный, и прорваться к Тихоокеанскому побережью. После удачного грабежа,

корабль Дрейка, груженный под завязку драгоценными камнями, золотом и рабами, вновь проплыл открытым проливом. Опыяненный от счастья Френсис в честь столь богатого улова даже переименовал свой корабль в «Золотую лань». Ну, и не забыл нанести пролив на карту, подарив ему свое имя.

— Я слышал, мыс Горн пользуется недоброй славой, — заметил Урусов. — Даже в наше время.

— О да, — согласился Белоконев, — моряки прозвали его мысом Дьявола. Здесь совершенно безумные ветра и мощное течение. Да и айсберги явление отнюдь не редкое.

— С апреля по ноябрь четверть пролива скованна льдом, — добавил Громов. — У моряков даже есть обычай: те, кто преодолел пролив Дрейка по направлению из Атлантического в Тихий океан, имеет право проколоть ухо и повесить серьгу. Эта серьга приравняется к медали за стойкость.

* * *

Ровно в одиннадцать Виктория, изо всех сил сохраняя равновесие на шаткой палубе и трапе, спустилась на склад за обещанной одеждой. О том, что необходимая экипировка будет выдаваться бесплатно, ее заранее предупреждали и просили сообщить размеры (видимо, организаторы всерьез опасались, что туристы не способны грамотно одеться и не хотели, в случае обморожения, судиться с ними).

Возле нужного входа толпился народ, все явились практически в одно время и создали шумную толкотню. Чтобы не томиться в очереди, Вика решила вернуться попозже, а пока отошла к подветренному борту и стала любоваться угрюмым пейзажем.

Утренний туман, как и предсказывал капитан, разошелся, но море и небо оставались мрачными. Низкие сизые тучи сливались с оживленными волнами. «Душа океана» был кораблем тяжеловесным, массивным, но и его ощутимо покачивало на беспокойном океанском просторе. Горизонт прыгал вверх-вниз. Виктория порадовалась, что не страдает морской болезнью.

На палубе было холодно, и словно со всех сторон разом дул сильный ветер. Вода у бортов кипела и пенилась, а волны были гладкими, длинными, редкими. Издали казалось, что они совсем небольшие, но когда корабль задирал нос и немного валился на бок при встрече с ними, становилось понятно, насколько это впечатление обманчиво.

Эlegantного фокусника Вика увидела, когда он громко хлопнул дверью, выбравшись на палубу из теплого корабельного нутра. Он тоже шел на склад, но, увидев девушку, задержался, бросил скептический взгляд в сторону толпы, и свернул к Вике. Непривычный к качке, он цеплялся на ходу руками за все подряд.

Вика, как всякая женщина, чувствовала его чисто мужской интерес, но иллюзионист не будил в ней особых переживаний. Он воспринимался одним из многих, и Виктория легко бы не имела с ним дел, но в условиях ограниченного кораблем пространства это не представлялось возможным.

— Заняли очередь за шубой? — шутливым тоном осведомился Ашор Визард.

— Нет, еще размышляю, какая мне пойдет больше: из норки или сразу соболиную брать. Фокусник искренне расхохотался:

— Королеве подойдут только соболя. Вот такие, — он щелкнул пальцами, по особенному крутанул кистью, и на его широкой ладони материализовалась крошечная фарфоровая фигурка пятнистого зверька. Против воли Вика изумилась.

— Господи, откуда вы его взяли?

— Ловкость рук и никакого мошенничества. Держите, прекрасная Виктория. Это вам от чистого сердца.

Вике пришлось взять соболя.

— Вы не боитесь остаться без реквизита? Если раздавать всем подряд...

— Вы не все, а исключение из правил, — фокусник поклонился.

— Спасибо. И благодарю за вчерашнюю розу. Было удивительно найти в каюте живой цветок вместо бумажного.

— Магия и обязана всех удивлять. Иначе, зачем она нужна в наш циничный век?

— Я не знаю вашего имени. Как к вам обращаться?

— Я Ашор, — мужчина вновь поклонился.

— Но это имя с афиши: Ашор Визард. А как на самом деле?

— Я Ашор, — повторил иллюзионист. — Пусть это творческий псевдоним, но я с ним сросся.

— Ашор... это что-нибудь означает?

— Конечно, это старинное мужское имя с еврейскими корнями. Переводится как «благословенный». Хотите услышать, в честь кого я стал называться?

Вика кивнула с секундным запозданием.

— В честь «черного рыцаря» из средневековой легенды.

— Черного значит злого?

— Нет, эпитет «Черный» в те времена использовался в отношении человека, намеренно скрывающего свое родовое имя, герб и родину. Иначе говоря, он выступал на ристалищах анонимно. Согласно легенде, Черный рыцарь Ашор жил в 13 веке и был известен как опытный, честный и смелый воин. Один из феодалов призвал Ашора на помощь в войне против своего врага — жестокого и подлого соседа. Рыцарь согласился, но сначала решил проверить, так ли плох сосед, как о нем говорят. Проникнув в замок, Черный рыцарь убедился, что его хозяин действительно заслуживает смерти, и свершил свой приговор. Но это не все. В подземелье замка томилось множество невинных людей, и среди них священник, пытавшийся некогда воззвать к совести феодала. Тот не потерпел нравоучений и бросил его в темницу на долгие годы. Ашор разрубил кандалы старика и вынес его, слабого и беспомощного, на свет божий. Однако уйти из замка со стариком на руках было проблематично. Ашора ранили, а сыновья убитого деспота уже готовились отомстить. И все же ему удалось оседлать коня и увезти пленника из замка. За ними выслали погоню. Когда Ашор понял, что ему не уйти, он отдал коня священнику, чтобы тот продолжил путь, а сам остался ждать смерть у дерева в лесу. Свой последний бой рыцарь предсказуемо проиграл, так как совсем ослабел из-за потери крови. Когда душа его готовилась отлететь, явились ангел и демон и стали спорить, кому она достанется. Пока эти двое боролись за него, Ашор увидел третью фигуру — в плаще с накинутым на голову капюшоном, за которым было невозможно разглядеть лица. Пришелец объявил, что он Великий Аноним, хранитель вселенского баланса. Он — тот, кто не может быть назван, поскольку олицетворяет абсолютный нейтралитет. А здесь он появился потому, что нельзя определить, куда отправится душа Черного рыцаря — в рай или ад — потому что он сделал столько же добра, сколько и зла. Ангел и демон исчезли, а Аноним обратился к Ашору и сказал, что тот свободен, но отныне не принадлежит ни этому миру, ни какому либо другому. Таков был ему приговор. Рыцарю предстояло жить вечно, искать смысл жизни и вершить справедливость таким образом, чтобы и дальше поддерживать мировой баланс света и тьмы. С тех пор Ашор странствует среди людей, вмешивается в события по своему усмотрению, выступая то на стороне одних, то на стороне других. Его действия не меняют ход истории, но поддерживают ее, не позволяя отклониться от магистрального срединного пути.

— Завораживающая легенда, — сказала Вика, вертя в руках фарфоровую фигурку, — но я бы не решилась взять себе подобный псевдоним. Ашор — он же как Вечный жид.

— Нет-нет, — возразил фокусник, — у Ашора есть предназначение. По сути, его наняли на работу. Агасфер же был проклят вечной жизнью, потому странствовал без цели и смысла. Бессмысленность самая утомительная вещь на свете.

Они немного помолчали. Фокусник оглянулся на очередь:

— Кажется, рассосались. Так вы идете за теплыми вещами?

Но Вика заметила приближающегося к ним Юрия Громова и отказалась:

— Вы ступайте, Ашор, а я еще морем полюбуюсь.

Иллюзионист прищурился на гляциолога, кашлянул в кулак и наконец-то оставил ее в покое. Вика отвернулась к забортной воде, напряженно гадая, подойдет к ней Громов или пройдет мимо.

— Как переносите качку? — осведомился Юра, занимая место поодаль.

— Спасибо, не жалуюсь, — откликнулась Вика, сдерживая рвущуюся на простор улыбку, — на воздухе даже проще. Бодрит. Только холодно очень.

— Это да, — Громов не сводил с нее глаз. — Как в анекдоте про полярника, ловившего рыбу на льдине. Помните: «Сейчас бы в ад, погреться!»

— Скажите, Юрий, а вы правда являетесь консультантом Долгова? — спросила Вика.

— Можно и так сказать.

— И он вас во всем слушается?

— Пока нет, — честно признался Громов. — Но я над этим работаю.

Повинуясь импульсу, Вика хотела спросить, может ли он помочь им с экскурсией в сухую долину, но в последний момент передумала и задала иной вопрос:

— А почему в проливе Дрейка всегда плохая погода?

— Тут вечный сквозняк из-за Анд, — легко откликнулся Юрий. — Воздушные течения, дойдя до Анд, устремляются в единственно доступную им широкую щель. А с другой стороны, из антарктической кухни, навстречу им летят циклоны. Все эти массы сталкиваются, перемешиваются... Суший кошмар, короче.

— А нам серьга в ухо случайно не полагается за стойкость?

— Мы, слава богу, не боремся против течения и десятибалльного шторма, — улыбнулся он. — Здесь бывает погодка и похуже.

— А можно другой вопрос? — Вика решила для себя кое-что уточнить. — Про вашего друга Владимира.

— О, так он вас заинтересовал?

— В некотором роде. Он же главный телохранитель Долгова, верно?

— Да, страшный человек, — Громов подтвердил это с серьезным видом. — Все у него вечно под подозрением, потому и с людьми тяжело сходится.

— Получается, меня он тоже в чем-то подозревает?

— Я же говорю: он подозревает всех и во всем, — тут Громов не выдержал и рассмеялся. — На самом деле не бойтесь его, это у него просто такая дурацкая манера незнакомцев взглядом сканировать. Оценивать, кто чего стоит.

— Вы давно его знаете?

— Выросли по соседству. Желаете, чтобы я вас познакомил поближе?

— Нет, — Вика подавила нервный смешок, — понимаю, что мое любопытство выглядит несколько странно. Но что делает телохранитель вдали от своего клиента? Почему Владимир, например, обедает с нами, а не с боссом?

Громов пожал плечами:

— Наверное, потому, что с боссом он не обедает по определению. Это вопрос субординации. А кушать телохранителям тоже когда-то надо.

— Тогда где обедает второй охранник? Ведь в Антарктиду плывут только двое охранников, остальные остались на берегу.

— Какая вы наблюдательная. Все-то вы заметили.

— Если не хотите отвечать, то не надо, — Вика и сама уже чувствовала, что разговор свернул совсем не в те дебри. — Это мое глупое любопытство.

— Нет, почему же, думаю, здесь нет особой тайны. Второй охранник, Дима Ишевич, стоит в третью смену вместе с командой ледокола. Они охраняют босса с Володей по очереди.

— Спасибо, — Вика отвернулась и, чтобы переключиться, воскликнула, указывая рукой на белое пятно у горизонта: — Смотрите, это айсберг?

Юрий послушно взгляделся вдаль:

— Нет, это плавающий лед. Но мы стремительно приближаемся к ледяному континенту, и настоящие айсберги не заставят себя ждать.

— Как жаль, что небо скрыто пеленой. Я думаю, на солнце айсберги особенно красивы, — Вика никак не могла отделаться от неловкости и потому несла всякую чушь. — А еще капитан в новостях говорил, что жители южного полушария имеют возможность наблюдать приближающийся астероид. Наверное, тоже зрелище незабываемое.

— Скажу вам по секрету, — Громов слегка наклонился к ней, — к ночи, как только мы минуем область низкого давления, облака разойдутся.

— И качка уйдет?

— Совершенно верно. Я видел метеосводку. Пожалуй, сразу после спектакля можно будет выйти на верхнюю палубу и полюбоваться закатом. Может, и астероид удастся обнаружить. У вас есть подзорная труба?

— Нет.

— Вот и я не взял. И театральный бинокль забыл. Такая незадача. Кстати, что за пьесу вы сегодня даете?

— «Моя прекрасная жизнь». Вы придете?

— Приглашаете?

— Почему бы нет. Да, я вас приглашаю! Если у вас нет других, более важных дел.

— Я обязательно приду. Люблю театр. Правда, бываю редко. Но, кажется, я уже об этом говорил.

Вика улыбнулась куда более раскованно:

— Вообще, мы не театр в полном смысле этого слова, а особый род театрального искусства — антреприза. Настоящие спектакли заточены под определенную сцену и не могут без ущерба переноситься на другие площадки. А мы едем налегке, у нас нет декораций, да и костюмы больше похожи на условность. Все по минимуму, потому что сегодня мы выступаем в корабельном салоне, завтра в отеле, и трудно предвидеть заранее, какая там обстановка.

— Не сомневаюсь, что вы справитесь. Сегодня у вас нет репетиций?

— Прогон состоялся вчера. А сегодня в салоне готовят зал и сцену. Возможно, мы еще пройдемся по нескольким моментам перед самым показом. Все зависит от Елизаветы Даниловны, как она распорядится.

— Значит, лекцию нашего доброго Паганеля вы планируете посетить?

— Да. За завтраком он здорово излагал про Дрейка. Про Антарктиду я, к сожалению, знаю ничтожно мало, но готова восполнить пробелы.

— Я тоже не прочь его послушать. Уж очень колоритная личность. — Громов обернулся на дверь, ведущую на склад: — Все страждущие получили куртки, пора и вам, а то мисс Портленд уйдет, и ищи ее потом. Говорят, такое тут случалось.

Вика тоже обернулась и с сожалением констатировала, что он прав.

— Действительно, быстро они управились. Наверное, только мы с вами и остались.

— У меня экипировка есть, — сказал Громов. — И ветрозащитная куртка, и сапоги, и унты. Поэтому в списки я не включен.

— Зачем же вы пришли сюда? — удивилась Виктория.

— А уже не помню, зачем, — с озорной улыбкой откликнулся Юрий. — Может быть, чтобы вас лишний раз увидеть?

***

К обеду качка возросла, а число пассажиров в столовой еще уменьшилось. Вика с удивлением заметила, что на скатертях разложили мокрые салфетки — как пояснил официант, чтобы тарелки не скользили.

К счастью, все артисты труппы были в относительном порядке. Даже Сергей Давыдов, пусть и позеленевший, сидел на своем месте и уверял взволнованную Бекасову, что в состоянии работать.

— И все равно замены нет, — вздыхал он, едва слышно.

— Помню, я «Вишневый сад» играл, — ударился в воспоминания Урусов. — Температура под сорок, голова кружится, а замены нет. А что поделаешь? Такова наша судьба, наш добровольный выбор.

— Репетиции не будет, отдыхайте, копите силы, — постановила Бекасова. — Тут уж, как говорится, не надышишься. Но чтобы за сорок минут до начала все были в салоне одетые и в гриме. И костюмы свои проверьте, чтобы никаких оторванных пуговиц и мятых складок!

Трапеза подходила к концу, когда капитан по громкой связи объявил о приближении айсбергов. Многие предсказуемо бросились в каюту за фотоаппаратами. Даже Бекасова, заваливаясь то на один бок, то на другой, старательно балансируя руками, поковыляла к широким окнам, чтобы полюбоваться на чудо.

Володя и Юра остались за столом одни.

— Знаешь, Юр, всегда считал, что женщины делятся на два вида, — произнес Володя, — «прелесть какие дурочки» и «ужас какие дуры», все прочие являются малочисленным исключением из правил. Но на этом корабле собрались сплошные исключения.

— Ну отчего же, вот эта Анна, гимнастка, например, вполне тянет на правило, — пожал плечами Громов. — В ней нет никакой изюминки.

— Ошибаешься. Анна Егорова очень необычная. И настолько умная, что умеет казаться глупой. Не нравится она мне. И вообще цирковые не нравятся, особенно фокусник. Таинственности наводит, псевдоним ненормальный...

— А чем тебе не угодил псевдоним «Ашор Визард»? Звучно, загадочно, в стиле бродячего шапито.

— Ашор Визард некогда был по паспорту Альбертом Константиновым. А теперь он и по всем документам, включая водительские права, стал Ашор. Не чудно ли?

— Ну и что? Подумаешь, фамилию поменял. Может, женился и ради жены решился со старой жизнью порвать.

— Он не был женат. А вот от закона таким способом скрыться...

— С помощью профессионального псевдонима? Скорей наоборот, он только внимание этим к себе привлечет, — Громов улыбнулся. — Знаешь, Вов, у некоторых народов есть обычай менять имена, если смерти избежишь. Вдруг, дело в этом?

— Ты для всех оправдание ищешь.

— А чего к людям по пустякам цепляться?

Грач вздохнул:

— Биография у Ашора весьма пестрая. Учился на врача, но бросил. Бродяжничал по Уралу, несколько лет жил в каких-то землянках, типа, просветления искал, с духами общался.

Потом цирком увлекся. К суду, конечно, не привлекался, но кто его знает, с какими уголовниками он в этих землянках дружбу водил?

— Слушай, если он тебе кажется подозрительным, как ты в поездку его допустил?

— Паша настоял. На просмотре он Патрисии очень понравился. У Ашора, видите ли, гран-при на международном конкурсе иллюзий и уйма дипломов. Он у нас маг не пальцем деланный. А я что? Домыслы к делу не пришьёшь.

— Вот и не начинай. Человек долго искал себя, так бывает, — примирительно сказал Громов.

— Работа у меня беспокойная. А с этим Ашором, я чувствую, что-то не так.

— Так у тебя и с Викторией Завадской все не так. Миледи ее обозвал, а она совсем не такая..

— С Завадской другое. Но я гляжу, ты вот-вот на нее подсядешь крепко.

Юра отвел взгляд:

— Боюсь, не по Сеньке шапка.

— То-то и оно. Зачем тебе женщина, которую хотят все встречные мужики? Завоевать мало, надо еще и удержать суметь. А ты у нас, увы, не олигарх.

— Мне кажется или в твоих интонациях и правда проскальзывает горечь собственного негативного опыта?

— Было дело. И потому гарантированно могу тебе сказать, Юр, что все красотки большие стервозы.

— Я пойду, — Громов взглянул на часы и встал, — послушаю лекцию Паганеля.

— Ты на меня не обижайся, — сказал Володя, тоже поднимаясь. — Я не со зла. Тебе надежная подруга нужна, а не актрисулька. Завадская тебе не пара.

— Ага, знаток женщин нашелся! Советы даешь, а сам некольцованным ходишь.

— Потому и хожу, — ответил Грач.

5. Лекция «Паганеля» и ее обескураживающее завершение

Геннадий Белоконев быстро и без проблем нашел салон, где ему отводилось прочесть лекцию для любознательных. Он был очень этому рад. Но радость продлилась до тех пор, пока одна милая дама не шепнула ему, что вязаная кофта у него застегнута не на те пуговицы. Краснея, он принялся лихорадочно расстегиваться, путаясь пальцами в широких петлях. Хотя, собственно, что в этом такого? Не без штанов же он на публику вышел. Однако всякий раз, когда с ним приключались подобные «досадные штучки», он реагировал одинаково: спадал с лица, смущался и лепетал в оправдание нечто невразумительное.

Бытовая рассеянность была его недостатком номер один. Его мозг цепко держал исторические сведения, даты и имена, но в остальном случались промашки. То он сядет не на тот автобус, уедет бог весть в какие дали и заблудится в поисках обратной дороги. То заработается и забудет о каких-то договоренностях — встрече или звонке. То упустит суп на плите, за которым просила последить жена, отлучившаяся в магазин, и кастрюлю приходится выбрасывать. Любимая женщина, к счастью, находила это милым и в шутку величала «побочным эффектом гениальности», но порой даже ее терпению наступал конец.

Вторым крупным недостатком, о котором он знал, но не умел бороться, была приверженность к экстравагантным гипотезам. Геннадий с молодых ногтей был очень увлекающимся человеком, падким на яркие сенсации и удивительные сказки. В детстве он охотно верил в бабу-ягу и в то что нелюдимый сосед с первого этажа на самом деле пришелец с Альфы Центавра (это под большим секретом сообщил ему старший брат). С годами доверчивость никуда не делась, лишь распространилась на другие области. Теперь Геннадий с увлечением пытался раскрыть тайну египетских пирамид, искал доказательства бессмертия графа Сен-Жермена и собирал вырезки, повествующие о проклятии индейских хрустальных черепов. В принципе, никому это вреда не наносило, потому что при всей своей безалаберности, Белоконев четко умел разграничивать работу и хобби. Но те, кто был в курсе его теорий, крутили пальцем у виска — ведь практической пользы от этого не было никакой.

Наконец, третьим недостатком являлась его любовь выдавать желаемое за действительное. Проще говоря, Геннадий мог слегка прихвастнуть. Он делал это безо всякой задней мысли, как бы случайно и, как правило, оно ни на что не влияло. Например, вчера вечером за столом в корабельной столовой он отчего-то представился ученым и писателем, что, мягко выражаясь, было неправдой. Он действительно писал исторические романы (по его мнению, хорошие), но делал это «в стол». За предыдущие года ему удалось опубликовать лишь две краеведческие статьи в местной малотиражке, да небольшую документальную повесть про полярные исследования Отто Шмидта¹, которую удалось пристроить в солидный «Исторический вестник» (этим Геннадий особенно гордился). Всеми изысканиями Геннадий занимался исключительно в свободное время и ни перед кем не отчитывался. По роду занятий же он был обычным школьным учителем.

Тут следует признать, что, несмотря на свои недостатки, Геннадий Белоконев слыл человеком беззлобным, простодушным и отзывчивым. Жил он в небольшом поселке на Среднерусской равнине, преподавал историю местным оболтусам и был счастливо женат на своей однокласснице, посчитавшей его удачной партией, поскольку он не злоупотреблял, не дрался, занимался умственным трудом, но если надо, мог и дров наколоть, и прохудившуюся крышу

---

¹ Шмидт Отто Юльевич — выдающийся исследователь Севера, советский астроном и математик, прославившийся после арктической экспедиции 1933 года на пароходе «Челюскин», который был раздавлен льдами и затонул. «Челюскинцы» провели на льдине два с половиной месяца, после чего были спасены с помощью авиации.

починить. То есть, пропащим неудачником по здешним меркам не считался. Детей, правда, бог им пока не дал, но, как считал сам Геннадий, все у них было впереди.

Однако такая мирная скромная жизнь, пусть и была привычна, но не могла не тяготить самого Белоконева. Он жил с ощущением, как прекрасен мир, как добры и великодушны люди, но чего-то важного ему все-таки не хватало. Каждое утро он просыпался с надеждой, что скоро в его судьбе случатся перемены. И однажды чудо, которое он так звал, пришло.

В роли невольного вестника перемен выступила жена. Именно она вытащила из почтового ящика конверт, адресованный Геннадию.

— Ген, посмотри, тебе какая-то ерунда пришла, — сказала она за обедом. — Небось опять мошенники пишут, что миллион выиграл.

Геннадий взял конверт — он был жесткий, плотный, но легкий. Адреса и имени отправителя на нем не значилось, а на почтовом штемпеле проступало полустертое «Сортировочный пункт №1». Он осторожно надорвал конверт сбоку, стараясь не повредить вложения, и высыпал содержимое на обеденный стол.

Внутри оказалось три бумажки. Первая — заламинированный разовый пропуск в Центральный архив ФСБ, выписанный на его имя и даже имевший его фотографию. Вторая бумажка представляла собой записку: «Ознакомьтесь с недавно рассекреченной особой папкой проекта „Орион“ инв. номер 84—153/п, 31/52609 НИЦ „Пирамида“ при КГБ СССР. Вас это заинтересует». Третья содержала точный адрес архива, схему проезда и библиотечные коды, по которым следовало заказывать «особую папку».

Жена с любопытством взяла в руки пропуск, повертела его:

— Это что, в библиотеку? — и потеряла интерес.

А вот сердце Геннадия Белоконева зачастило от предвкушения. В Подмоскovie, где располагался архив, он никогда не бывал, про НИЦ «Пирамида» не слышал, но догадывался, что за странным приглашением кроется восхитительная тайна. Он даже не задался вопросом, кто и зачем заказывал на него пропуск, и почему именно ему был адресован конверт. Затуманенный мозг уже рисовал ему заманчивые перспективы. «Проект Орион» и «особая папка» звучали волшебной музыкой.

Письмо пришло летом, когда он находился в отпуске, и ничто не мешало поехать в город Пушкин и посетить архив. Ну, как «ничто»... мешала поспевающая клубника, которой жена засадила весь участок — ей требовалась помощь со сбором и поливом. А еще мешало отсутствие лишних денег, поездка в другие города удовольствие небесплатное. Пришлось жертвовать заначкой, которую Геннадий, как всякий нормальный мужик, держал в тайне от жены «на черный день».

Когда Геннадий поднимался по лестнице подъезда номер 3 монументального здания на улице Русакова, он внутренне был готов, что поездка окажется пустышкой. И все же волнение, какое случается от ожидания чего-то грандиозного, не покидало его.

Действительность превзошла ожидания. В недавно рассекреченном архиве Научно-исследовательского центра «Пирамида», в папке с указанным номером хранились материалы о первых годах освоения Антарктиды. Речь шла не об официальной Первой советской антарктической экспедиции 1955 года и даже не об экспериментальной станции Лазарев, заложенной на берегу Земли Королевы Мод в 1951-ом, а том, что происходило гораздо раньше.

Согласно обнаруженным документам, первые серьезные исследования Антарктиды начались сразу после победы над фашистской Германией, но цели советских исследователей и сделанные ими открытия были настолько невероятны, что Геннадий не верил собственным глазам. По сути, эти архивные материалы были настоящей бомбой, и, попади они ему при иных обстоятельствах, даже он, любитель исторических загадок и коллекционер парадоксов, воспринял бы их как курьезную диковинку. Но таинственность, с какой было обставлено дело, все эти

конверты, пропуска, анонимные записки, как и тугие монументальные двери военного архива произвели на доверчивую душу сильнейшее впечатление. Геннадий потерял покой.

За следующий год он сумел собрать и другие доказательства, в основном косвенные, но уверившие его, что дальнейшие поиски стоят усилий. Он написал и даже опубликовал в специализированных изданиях несколько статей по истории Пятого Тихоокеанского флота, выступил на конференции под эгидой РАН с докладом, посвящённом белым пятнам в биографии Ивана Папанина², и стал приобретать некоторую — немного скандальную — известность.

Основные сложности возникали из-за недостатка неопровержимых улик, в происхождении которых ни у одного профессионала не возникало бы сомнений. Большая часть документов до сих пор хранилась в закрытых архивах, мемуары современников подверглись тщательной цензуре, а интерес Сталина к Антарктиде был окутан завесой упорного молчания. По хорошему, надо было ехать на ледяной континент, смотреть на месте, что из обнаруженного правда, а что вымысел. Надо было проводить раскопки в зарубежных архивах, добиваться особых разрешений и допуска в специализированные хранилища. Но этому опять мешали проклятые деньги (точнее, их отсутствие) и недостаток свободного времени. Финансировать его поездки, разумеется, никто не собирался, как и сокращать преподавательские часы в школе (последнее даже хорошо, ибо жить на что-то надо).

И тут свершилось еще одно чудо: на зарплатную карточку Геннадия незадолго до нового учебного года поступила огромная сумма. Сначала он посчитал это ошибкой банка. Но по почте вслед за деньгами пришло очередное анонимное письмо. Вскрыв конверт, Геннадий прочел: «Вы хорошо начали и должны продолжать работу. Получить разрешение на поездку в Антарктиду в качестве писателя, заинтересованного темой открытия шестого континента, не будет проблемой. Нужные люди уже предупреждены, смело подавайте заявку». К записке был приложен адрес, куда следовало обращаться, список документов и образец заявления.

Белоконев понял, откуда деньги. И так же понял, что надо обязательно лететь. Поблагодарив вслух таинственных доброхотов (ему и в голову не пришло, что их цели могут быть далеки от благостного стремления к гласности), историк стал собираться в путь.

Он никому не сказал об анонимных посланиях, даже жене, интуитивно понимая, что та найдет уйму аргументов, чтобы отговорить его от странной затеи. Геннадий очень не хотел расставаться с ощущением чуда.

На экспедиционное судно «Душа океана» он попал волей случая: на него продавались самые дешевые билеты, а Белоконев по жизни привык на всем экономить. Правда, плыть предстояло чуть ли не в трюме под аккомпанемент работающего двигателя. Но здесь ему подфартило в очередной раз. Узнав, что Белоконев историк, разрабатывающий тему Антарктиды, капитан лично распорядился предоставить ему пустующую каюту получше в обмен на лекцию, которую он прочтет в пути, дабы развлечь пассажиров. Геннадию это польстило.

Признаться, Белоконев не ожидал увидеть много желающих, но почти все кресла в салоне были заняты. Помимо «агитбригады» и некоторых ученых, следующих на зимовку, на его лекцию пришли и гости Павла Долгова (о том, что на этом же корабле следует целый «свадебный поезд», Белоконев уже был осведомлен). Их сразу можно было выделить по добротным нарядам и излишне оживленным выражениям лиц. Чувствовалось, что эти люди пришли прежде всего «культурно развлекаться». Счастье еще, что в баре по соседству не подавали попкорн.

Сверившись с круглыми часами на стене, Геннадий поправил очки, откашлялся и произнес:

— Что ж, дамы и господа, если мы больше никого не ждем, то начнем.

---

² Иван Дмитриевич Папанин — руководитель исследовательской дрейфующей станции «Северный полюс», доктор географических наук, контр-адмирал, создатель научного флота СССР

Подросток среднего школьного возраста, сидевший рядом с бледным нервным мужчиной, наверное, отцом, поднял руку, как на уроке:

— А про загадку карты Пири Рейса вы расскажете?

— Обязательно, — рассеянно улыбнулся Белоконев и, бегло проверив еще раз, включен ли проектор, работает ли ноутбук и хорошо ли проходит сигнал (а то с ним бывали подобные казусы в школе), приступил к изложению.

— Итак, всем присутствующим, полагаю, известно, что официальный день открытия Антарктиды — 16 января 1820 года. Именно тогда русская экспедиция Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева, преодолев плавающие льды, подошла к берегу неизвестного континента. Эта точка располагается в районе Земли принцессы Марты и называется ныне ледником Беллинсгаузена.

На экране позади докладчика пошли первые кадры презентации, появились изображения кораблей и портреты путешественников.

— Однако Антарктида постоянно подкидывает людям загадки. Вот и с ее открытием все обстоит не так просто. Как материк она появилась на географических картах задолго до 1820 года, причем изображали ее без ледового покрытия, — Белоконев взглянул на внимательно слушавшего мальчика. — Молодой человек уже упоминал про адмирала Пири. С вашего позволения, я раскрою тему чуть подробнее.

Он поменял изображения.

— В начале 20 века директор Национального музея Стамбула Халим Эдхем разбирал библиотеку византийских императоров в старом дворце султанов. На одной из пыльных полок он нашел свернутую в рулон карту, выполненную на выделанной коже газели. Составитель — а им значился адмирал и картограф Османской империи Пири, живший в первой половине 16 столетия — изобразил южную оконечность Южной Америки и северное побережье Антарктиды. Самое поразительное, что береговая линия полуострова и Земли Королевы Мод была выведена со всеми подробностями: заливами, бухтами и горами, ныне скрытыми от глаз ледяным покровом в несколько километров толщиной.

В 1949 году Объединённая шведско-английская исследовательская экспедиция произвела сейсмическую разведку сквозь толщу льда и подтвердила правоту Пири Рейса. «Мы не представляем, как согласовать данные сейсморазведки с уровнем географической науки начала 16 века», — сказал руководитель экспедиции.

Что примечательно, помимо точного контура Антарктиды на карте 1513 года еще и Фолклендские острова изображены достаточно детально и на своей широте, хотя они также не были известны мореплавателям до 1592 года.

Сам Пири Рейс в заметках на полях отсылал к первоисточникам, с которых чертил карту. Первоисточники до нашего времени не сохранились. Некоторые из них могли бы датироваться 4 веком до н.э. и храниться в сторевавшей Александрийской библиотеке.

Геннадий оглянулся на экран и взмахнул рукой (пользоваться лазерной указкой в школе было запрещено, поэтому он к ней так и не привык).

— Обратите внимание, что на этой странной карте в районе Антарктиды нарисованы животные, по мнению картографа там обитающие. А вот Северная Америка изображена пустынной и словно бы скрытой льдами. Такая картина действительно могла иметь место, данный штрих придает карте достоверности. Конечно, профессиональные историки, специалисты по древнему миру вольны заявлять, что раз нет первоисточников, значит, все ссылки на них сомнительны. Но проблема в том, что карта Пири Рейса не единственная! Есть и другие.

В 1959 году в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне профессор Кинского колледжа Чарльз Хэпгуд обнаружил карту 1531 года за авторством Оронтеуса Финиуса. Карта изображала Антарктиду, свободную ото льда в береговой части и с ледяной шапкой в центре. Похожую карту включил в свой атлас Герард Кремер, более известный под именем Меркатора.

Что примечательно, в его знаменитом атласе от 1569 года западное побережье Южной Америки начертано с ошибками, поскольку Меркатор основывался на «новейших данных» моряков с их несовершенными приборами. А вот берег Антарктиды дан без искажений. В примечаниях Финиус и Меркатор опять ссылались на «древние первоисточники».

Наконец, есть третий свидетель — французский академик Филипп Буаше, чья карта Антарктиды была опубликована в 1737 году. На ней представлена точная топография всего континента — с реками, озерами, горными массивами и внутренними морями — о чем мы не имели представления вплоть до 1958 года.

Француз нарисовал Антарктиду не единым материком, а в виде архипелага, разделённого в районе Южного полюса проливом, соединяющим моря Росса, Уэдделла и Беллинсгаузена. Эта версия была подтверждена исследователями, работавшими по программе Международного геофизического года.

Если положить все три карты рядом, можно увидеть процесс постепенного оледенения Антарктиды, начавшегося 14 тысяч лет назад и завершившегося к 4 тысячелетию до нашей эры.

Но как такое может быть? Ведь ортодоксальная геология уверяет нас, что ледяному покрову несколько миллионов лет!

Тут можно вспомнить, что в середине 20 века были проведены бурения дна моря Росса в тех местах, где на старинной карте Финиуса указаны устья антарктических рек. В разрезах кернов обнаружены отложения, чей характер соответствует речным, с истоками в умеренных широтах, то есть без оледенения. Радиоактивный метод датировки, сделанный учеными института Карнеги, определил возраст органических отложений примерно в 6 тысяч лет. И только после 4000 года до н.э. на дне моря Росса стали накапливаться осадки ледникового типа.

Таким образом, были получены косвенные доказательства, что первоисточники, которыми пользовались Буаше, Финиус и Рейс, начертили представители неизвестной цивилизации времен египетской и шумерской, чьи знания навигации, картографии и астрономии были не ниже 18 века.

Увы, мои коллеги-историки скажут: в конце пятого тысячелетия до Рождества Христова не существовало подобных цивилизаций. Не умели ни древние египтяне, ни древние шумеры, ни кто-то еще наносить на карты подробности рельефа, сопоставимые со спутниковыми данными. И все же находки подробнейших карт опровергают каноническую версию. Это касается не только Антарктиды. К примеру, на карте Хаджи Ахмета, составленной в 1559 году, отчетливо изображена полоска суши, соединяющая Аляску и Сибирь. Такой мост, по мнению геологов, действительно существовал на месте Берингова пролива, но скрылся под водой в конце последнего ледникового периода. Кто же зафиксировал его на карте?

Белоконев поправил нервным жестом очки и внимательно посмотрел в зал.

— Наверное, тот же, кто подсказывал Клавдию Птолемею, вычерчивавшему знаменитую «Карту Севера» во втором веке, что некогда в Европе существовали ледники, скрывшие под собой детали рельефа, — предположил он, отвечая на заданный им же самим вопрос. — А ведь есть еще и китайская карта от 1137 года, скопированная с оригинала, высеченного на каменной колонне. На ней нанесена сетка с использованием проекции, аналогичной современной. То есть, для построения карты применялась сложнейшая сферическая тригонометрия, в ту пору не известная китайцам.

Белоконев взглянул на притихшего школьника.

— Что из всего этого следует? — спросил он. — Пять-шесть тысяч лет назад, а может и раньше на Земле существовала высокоразвитая цивилизация. И, прошу поверить, это были люди, наши предшественники, а не десант дружественных инопланетян, поделившийся с недоразвитыми землянами продвинутыми технологиями, как утверждают падкие на громкие заявления, но безответственные уфологи. Развивалась неизвестная цивилизация в районе нынеш-

ней Антарктики. Уже достоверно установлено — благодаря неоспоримым доказательствам в виде палеонтологических находок, — что этот континент не всегда был ледяной пустыней. В течение многих сотен лет он был населен высокоразвитыми организмами и, предположительно, разумными существами, обладающими культурой и владеющими технологиями.

Антропологи, изучавшие древние человеческие черепа из Южной Америки, пришли к выводу, что первые жители этого региона принадлежали к той же этнической группе, что и австралийские аборигены. Это уже опровергает классическую концепцию о заселении американского континента через Берингию — участок суши на месте Берингова пролива, — и заставляет предположить, что истоки цивилизаций следует искать совсем в другом месте.

После ужасной катастрофы — предположительно, это было падение гигантского астероида — была сбита земная ось, и в некогда теплых широтах началось стремительное оледенение. Те люди, что смогли спастись, уплыли на север, где влились в цивилизации Южной Америки Африки и Азии. Именно их влиянием можно объяснить странное сходство между древнейшими каменными постройками на разных континентах, например, взять те же пирамиды, которые археологи находят и в Китае, и в Месопотамии, и в Египте, и в Мезоамерике.

Древние жители Антарктиды наверняка оставили культурные следы и на своем родном, шестом континенте. Это могут быть храмы в виде упомянутых пирамид, и древние летописи, высеченные на стенах или на других носителях. Но здесь проблема заключается еще и в том, что нынешние климатические условия совершенно неблагоприятны для поисков. Суровый климат, многокилометровый лед, огромные расходы на доставку специалистов и техники плюс ко всему пресловутый «Договор об Антарктиде» и многочисленные протоколы к нему, запрещающие кардинально вмешиваться в сложившуюся экосистему даже ради научных открытий — все это препятствует установлению истины. Следует учесть, что десять тысяч лет назад уровень моря была на сто пятьдесят метров ниже современного. Береговые постройки, если таковые сохранились, ныне находятся под водой, а добраться до интересных участков в глубине континента, как уже говорилось, дорого и трудно.

Однако, несмотря на множество препятствий, ученые периодически предпринимают попытки исследовать ледовый континент. Несколько лет назад команда энтузиастов нашла признаки существования по крайней мере трех рукотворных пирамид, которые пережили климатические изменения континента, о чем опубликован отчет в научном электронном журнале «Съантист».

Геннадий сменил картинку на экране, и теперь на ней изображалась подборка из заснеженных гор, четкими линиями и впрямь напоминающих пирамиды.

— Ваш покорный слуга решил пойти по их стопам и добраться до одного очень любопытного в плане археологических находок местечка в районе Земли Королевы Мод, — сказал он в микрофон, пока зрители (кто с удивлением, а кто со скепсисом на лице) рассматривали фотографии. — Счастлив сказать, что у меня были замечательные предшественники: советские исследователи, построившие в тех местах станцию, ныне тоже забытую и заброшенную, хотя со времени ее постройки минуло всего-то семьдесят лет. Правда об этой станции была засекречена, но я считаю, пришло время воздать должное ее героическим строителям и обнародовать открытия, которые они сделали в так называемом оазисе Драконьего Зуба.

Геннадий Белоконев вновь наклонился, поколдовал над ноутбуком, и на экране появилась старая фотография с изображением нескольких покосившихся домиков, приткнувшимся к отлогой горе.

— Вот она, черно-белая фотография, чудом уцелевшая в закрытом архиве спецслужб, — объявил он с довольным видом. — На ней запечатлена станция, заложенная в 1946 году отрядом, возглавляемым Иваном Папаниным — известным полярным исследователем. Я намереваюсь посетить Драконий Зуб, о чем у меня уже есть договоренность с нашими полярниками, и предать огласке незаслуженно забытые страницы нашей истории. Поскольку сухие долины

оазиса Драконьего Зуба лишены снежного и ледяного покрова, руины находятся на поверхности и даже у всех на виду. Просто их обходят молчанием. Никаких бурений, сложных раскопок и дорогостоящих операций, чтобы прикоснуться к истории станции, мне не потребуется. Надо только знать точные координаты... а они у меня есть!

— Минуточку! — с заднего ряда поднялся невысокий, жилистый человечек с длинными волосами неопределенного сероватого цвета, завивающимися мелкими колечками. Нос его, крючковатый и выдающийся, гневно торчал вперед, глаза сверкали возбужденно, а реплики он выкрикивал на скверном английском с таким страшным акцентом, что удавалось разобрать дай бог половину.

— Верно ли я понимать, что вы планировать поиск на Драконий Зуб? Это недопустимо! Я протестовать!

— Простите, с кем имею честь? — вежливо и тоже по-английски осведомился Белоконев. На лице его отразилось полнейшее недоумение.

— Я Жак Дюмон! — француз еще выше задрал нос. — Моя много уважаемый коллега перевела мне ваш доклад. Если я верно понять, вы не иметь права лезть в мою работа!

— Почему? У меня есть разрешение от Антарктической комиссии РАН, — Белоконев ничего не понимал.

Слушатели с интересом развернулись в сторону пышущего яростью Дюмона. Многим эта пикировка понравилось куда больше самой лекции.

— — Это мой план! Я, а не вы, иметь приоритет!

— Месье Дюмон, успокойтесь! — попыталась урезонить его миловидная блондинка в красном кардигане, сидевшая рядом с ним. Говорила она по-французски, ее голос звучал умиротворяюще, но Дюмон не внял. Он вырвался из ее рук и бросился вперед, расталкивая сидящих на его пути людей.

— Я не позволить! Я первый взять разработка сенсации! Драконий Зуб ждать меня и мои люди. Вы самозванец!

— Это возмутительно! Русские, между прочим, были в этих землях вперед французов! — не удержался Белоконев. — И уж если говорить про приоритеты, то..

Дюмон взлетел на невысокий постамент с кафедрой и принялся отталкивать Белоконеву прочь. Тот, понятно, сопротивлялся.

— Дать мне сказать! — требовал француз. — Мне нужен трибуна, чтобы делать заявление!

— Позвольте, но это моя лекция!

Дюмон вцепился в ворот вязаной кофты историка и дернул так, что посыпались пуговицы

— Да что вы себе позволяете! — задохнулся Геннадий.

Оба они не удержались на ногах и при очередном крене корабля полетели на пол. Все это произошло так стремительно, что никто не успел вмешаться. Возможно, француз и не планировал лезть в драку, но выглядело это со стороны весьма некрасиво. Он придавил Белоконеву всей своей тяжестью и никак не позволял тому подняться.

Наконец присутствующие в салоне мужчины подоспели и растащили их в разные стороны.

— Вы ответите! — возмущался Белоконев, сокрушенно рассматривая испорченную кофту. — Варвар!

— Я подать вас суд! — угрожал Дюмон. — Вы отнять мой приоритет!

— У вас кровь! — воскликнул школьник и первого ряда.

Геннадий коснулся рукой головы и поморщился. Там не только пухла шишка, образовавшаяся после падения на пол, но было липко и горячо. Тонкая струйка текла по щеке и капала на воротник белоснежной рубашки.

Лекция была окончательно сорвана. Не было и речи, чтобы вернуться к прерванному занятию.

6. Новый план

После столь нелепо прерванной лекции народ из салона расходился медленно и неохотно. Люди собирались группками и переговаривались, обсуждая сразу все: и прослушанный доклад, и потасовку.

Вика и Анна, которые сидели вместе, сначала тоже прислушивались к разговорам, но а потом накинули новенькие куртки и вышли на палубу третьего яруса. Они были слишком возбуждены, чтобы томиться в душных и шумных помещениях ледокола и тем более — возвращаться в тесную каюту. Дверь наружу вела прямо из салона, и найти ее оказалось легче легкого: над ней горела табличка с жирной стрелкой и надписью «Выход на платформу №3».

— Можно решить, будто мы на вокзале, — смеясь, сказала Анна. — Ты не знаешь, почему они палубу обозвали платформой?

Вика помотала головой.

— Мне Геннадия Альбертовича жалко, — призналась она невпопад. — Что с ним теперь будет?

— Да ничего особенного. Придется ему делить славу с французом, ведь тот от своего не откажется.

— Француз этот совсем на француза не похож. Французы славятся галантными, а Дюмон злобный и противный. Ведет себя, словно гопник из трущоб. В драку зачем-то полез.

— И не говори! — с нервным смешком Анна кинулась грудью на холодные перила и перегнулась через них, стараясь увидеть происходящее на главной палубе. — Международный скандал: Франция напала на Россию!

— Не понимаю, чему ты радуешься, — пробормотала Вика, натягивая на голову капюшон. Ветер по палубе гулял нешуточный, а шапку она забыла в кармане старой куртки.

— Я думала, лекция окажется скучной. Но торчать весь день рядом со страдающим от качки Давыдовым было выше моих сил. Ой, смотри, врач его отпустил!

— Кого, Давыдова? — Вика тоже осторожно перегнулась через борт.

— Да нашего Паганеля. Вон он! Стоит у шлюпки.

Геннадий Белоконев действительно стоял на палубе неподалеку от двери в медицинский отсек. Рядом с ним маячил фокусник, который провожал пострадавшего к врачу после драки. Теперь Ашор Визард, подобно заботливой мамаше, поправлял на историке куртку, укладывал красивыми складочками шарф и смахивал с рукавов пылинки. Только доведя до совершенства внешний вид своего подопечного, он наконец ушел, оставив Белоконеву в одиночестве.

— Пойдем быстрее, пока к нему опять никто не пристал! — гимнастка, схватив Завадскую за локоть, потянула ее к трапу.

— Зачем? Да куда ты меня тащишь? — слабо протестовала Вика.

— Да как ты не понимаешь — это наш шанс! Лектор тоже собрался в сухие долины, он может взять нас с собой!

— Что за навязчивая идея?!

— Ты просто зануда, Вика! Сухие долины полны тайн, а еще там неземные пейзажи и заброшенная станция. Ты же видела фотографию на лекции, разве тебе не интересно?

— Интересно, но...

— И соотечественника надо поддержать! Нельзя ему в одиночку отстаивать честь родной страны, французы его числом задавят. Не согласна?

— Согласна, но я тебе зачем?

— С твоей внешностью любая дверь откроется. На меня никто не взглянет, а ты будешь моей группой поддержки. Красивым женщинам мужчины отказывают гораздо реже.

— Ты тоже очень симпатичная. И у тебя есть напор.

— Напора мало, только с ним не получится.

— С Сережей-то получилось, — буркнула Вика.

Признаться, причину того, что Давыдов благосклонно смотрел на гимнастку, она до сих пор не понимала. Может быть, его прельстила живость и непосредственность? Хотя саму Вику эти качества больше отталкивали. Она принимала их за навязчивость. Вот только Егорова совершенно не желала этого сознавать и прилипла как банный лист.

— Так ты мне поможешь? Просто рядом постой и пару раз очаровательно улыбнись.

Анна наконец выпустила ее рукав и замахала, привлекая внимание Белоконова, топтавшегося в задумчивости под нависающей шляпкой.

— Эй, Геннадий Альбертович!

Белоконов встрепенулся. Вика тяжело вздохнула. «Надо было все-таки идти роль повторять», — подумала она.

— Геннадий Альбертович, мы к вам, — Анна остановилась напротив и улыбнулась как можно обаятельнее. — Этот французский разбойник не сильно вас помял?

— Да нет, что вы, спасибо, — историк смутился, невольно дотрагиваясь до пострадавшего затылка. — Врач меня даже не стал бинтовать — помазал зеленкой.

— Да, волосы у вас теперь зеленые, — отметила Анна со смешком.

— Он старался быть аккуратным, — Геннадий постарался защитить врача.

Как и предвидела Анна, разговаривая с ней, поглядывал Белоконов в основном на молчащую Вику. Но Егорова не унывала:

— Так обидно, что француз лишил нас удовольствия услышать продолжение.

Вика, которой Геннадий уделял гораздо больше внимания, наконец-то изобразила улыбку. Историк в ответ просиял.

— А ведь и правда, самое интересное я рассказать не успел! — воскликнул он, слегка оживая. — Я как раз собирался переходить к наиболее загадочной и поразительной части.

— Ужасно! И как бы нам услышать окончание? — Анна тоже оглянулась на Вику, незаметно пихая ее локтем в бок. — Вы не можете хотя бы кратенько поведать про заброшенную старую базу? И что у вас за догадки по поводу антарктической цивилизации.

— Вам действительно интересно?

— Очень, — подтвердила Вика, получившая вторичный тычок в бок. — Мы сгораем от нетерпения.

Блестящие девичьи глаза и улыбки подкупили Геннадия. Вот только пригласить их покинуть неуютную палубу и направиться к нему в каюту, на что втайне рассчитывала Егорова, он не догадался.

— Ну, хорошо, я расскажу, — заявил он, облокачиваясь на подвернувшийся ему под руку красный ящик с противопожарным оборудованием. — Есть свидетельства, что СССР в сороковых годах, сразу после войны с фашистской Германией проявил весьма настойчивый интерес к Антарктиде. Вот вы, милые дамы, знаете, когда были построены первые антарктические советские станции?

Вика пожала плечами, но Анна к ее изумлению ответила очень быстро:

— В середине 50х годов, мой дед был участником Первой антарктической. Он Мирный строил.

— Ах, вот почему у вас такой жгучий интерес к Антарктиде! — воскликнул Белоконов, переводя взгляд на Егорову. — Вот только Первая экспедиция 55-го года была, как оказалось, не первой. В прессе об этом не трубили, но антарктические проекты заложили еще в тридцатых годах 20 столетия, одновременно с немцами, американцами, аргентинцами и англичанами. Это было закономерно, и даже Вторая Мировая не смогла надолго отвлечь Сталина от этих планов. Про покорение Арктики, спасение «челюскинцев», «папанинцев» на льдине, перелет Чкалова через Северный полюс советские газеты писали взахлёб. А вот про строительство эксперимен-

тальной станции в глубине Земли Королевы Мод и того же Папанина, но в Антарктиде, не писал никто, несмотря на героизм и потрясающие находки, которые мы там сделали. Казалось бы, почему так? — Геннадий вновь посмотрел на Вику.

— Почему? — эхом отозвалась она.

— Все дело в тех самых находках, из-за которых Сталин лично наложил на исследования гриф секретно!

— Я где-то читала, что в Антарктиде есть пещеры, и в них творятся странные вещи, — Анна проявила нешуточную заинтересованность. — Говорят, под слоем льда кипит жизнь, в том числе разумная. Из глубоких пещер иногда вылетают неизвестные науке аппараты и нападают на людей, если те оказались поблизости и стали ненужными свидетелями.

— Боже мой, никаких аппаратов, НЛО и разумной жизни под льдом! Что за каша у вас в голове, милая барышня? — от неподдельного волнения Белоконов сдернул очки и принялся вертеть их в руках. — Эта мистическая чушь... я не понимаю, зачем ее постоянно цитируют! Столько всего нагородили, только диву даешься. Якобы там был создан Четвертый рейх, прятался выживший Гитлер, а на американский флот под предводительством адмирала Берда, когда они задумали Гитлера выкурить, из-под воды выпрыгивали летающие диски. И ведь верят! Верят, господа! Однако нет и нет! Все это неправда, чушь, сказки, о которых в приличном обществе и говорить неловко!

— Тогда где же правда? — спросила Вика.

— Неоспоримый факт, что капиталистические страны начали активно делить Антарктиду перед второй мировой войной. Дело в том, что в международном праве практиковалось следующее: кто первым открыл новую землю, воткнул в нее флаг, тот и застолбил за собой территорию. Советское правительство в январе 1939 года даже заявило официальный протест из-за того, что США, Англия и Норвегия разделили между собой на сектора земли, некогда открытые российскими мореплавателями — Беллинсгаузеном и Лазаревым.³ Правда, разделили они их только на карте. Да и война с гитлеровской Германией на время отвлекла их от дорогостоящей затеи. Но тут вперед неожиданно для всех вырвались сами немцы. Их интерес к Новой Швабии, как они называли Землю Королевы Мод, стал предметом спекуляций, но это не означает, что его не было. Немцы составляли точные карты, строили перевалочные пункты на антарктическом побережье, сбрасывали с самолётов флажки со свастикой — межевали территорию. Да что уж там говорить: некоторые станции до сих пор пользуются медными кабелями связи, которые проложили немецкие субмарины в тридцатых-сороковых годах! Германия всерьез полагала, что пришла в Антарктиду надолго, но нацисты ничего не делали просто так, без дальнего прицела. У них были конкретные планы...

Вика облокотилась о перила и смотрела на вязкие холодные волны. Она могла бы уже уйти, эти двое вели самодостаточную беседу и не сразу заметили бы ее отсутствие. Но она не уходила, потому что тоже невольно заинтересовалась. Созерцая пустынный океанский простор, Виктория прислушивалась к рассказу историка.

— Да-да, точно, об этом я тоже читала, — подхватила Анна, — фашисты построили во льдах базу и незадолго до разгрома вывезли туда все самое ценное.

— Вывезли или нет, трудно сказать, — заметил Белоконов с горячностью, — намерения такие у них были, но они, скорей всего, толком ничего не успели. Дорого, сложно и далеко. Но строительство велось, да, и очень активно. Даже в годы войны. После победы в руках советских военных оказались подробные данные немецкой аэрофотосъемки Земли Королевы Мод. А так же все находки, сделанные в ходе антарктической экспедиции под руководством рейхмаршала Геринга.

---

³ Меморандум 1939г

Сталин решил добытым материалом немедленно воспользоваться, и это не понравилось лидерам других стран. Ведь Антарктида не имеет своего населения, она как бы ничейная, но в ее землях таится много полезных ископаемых, а лед содержит 70% запасов всей пресной воды на планете. Очень лакомый кусочек. Желая присвоить себе лучшие территории, американцы предприняли несколько научных и даже военных экспедиций и развязали антисоветскую кампанию в прессе, требуя отстранить Советский Союз от дележки антарктического пирога⁴.

Анна засмеялась:

— Мы, конечно, не испугались!

— Разумеется, нет. Начиная с 1946 года в антарктических водах плавала наша китобойная эскадра, в составе которой была специально построенная для плавания во льдах дизель-электроходная платформа «Слава» — мы после войны экспроприировали ее у немцев. Несколько вооруженных до зубов эсминцев охраняли ее и заодно занимались военной разведкой. Китобойный промысел был прикрытием для тайной операции, развернувшейся на подступах к главному сокровищу Земли Королевы Мод. По заведенной в те годы традиции безобидные названия скрывали истинные цели предприятия. Ну, вы же знаете: были секретные города, которых не найдешь на карте, были заводы-«почтовые ящики». Вот и с китобойной флотилией вышла похожая история.

— А почему информацию скрывали?

— Антарктический проект курировали военная разведка и спецотдел НКВД, а секретность это их образ действия. Дело тянулось еще с первых советских экспедиций в Тибет и Монголию, в ходе которых были получены сведения про погибшую цивилизацию Антарктиды. Но в 20—30х годах прошлого столетия у молодой страны Советов не было ни средств, ни возможностей отправить людей к Южному полюсу. Однако соблазн добраться до загадочного клада, скрытого подо льдами, манил. И те, кто был причастен к долгосрочному планированию, выстраивали стратегию терпеливо и упорно.

Сначала было принято решение потренироваться в схожих климатических условиях поближе — освоить Арктику, обкатать там технику, получить бесценный опыт работы при низких температурах. Но все делалось с дальним прицелом. Поэтому, когда другие страны вдруг сделали попытку проникнуть в Антарктиду, СССР тотчас вмешался. После победы над фашизмом Советский Союз имел солидную поддержку среди других государств, поэтому Трумэну ничего не оставалось, как пойти на подписание Договора о равноправном присутствии в Антарктиде всех заинтересованных стран. Правда, США настояли на включение в него такого пункта, как демилитаризация и запрещение на её территории любой военной деятельности вплоть до хранения оружия и разработки сырья в военных целях.

— Этот пункт лоббировали американцы? — удивилась Вика. Незаметно, она влилась в разговор, который интересовал ее все больше и больше. — Разве не СССР всегда ратовал за мир во всем мире?

— В данном случае за мирную Антарктиду ратовали американцы как проигравшая сторона, — ответил Белоконов, одевая очки и поворачиваясь к Завадской. — У СССР, благодаря созданию антарктического флота — его еще называют Пятым тихоокеанским — обнаружилось военное превосходство в этом регионе. Советы скрывали свое присутствие на ледовом континенте, но и американцам было невыгодно трубить о своем поражении на весь свет. Поэтому обе стороны прикрылись грифом «секретно».

— А нашли ли мы в Антарктиде что-то стоящее? — спросила Вика. — Из-за чего стоило ломать копья.

---

⁴ Точная цитата: «Пора организовать отпор амбициям Советов, которые после успешного окончания войны с Германией и Японией торопятся насадить коммунизм не только в Восточной Европе и Китае, но и в далёкой Антарктиде» — цитата из «Форин Аффферс», статья Джорджа Кеннана, советника президента США

— Нашли, — ответил Геннадий. — Но находки требовали многолетнего изучения. Они переворачивали некоторые представления в области физики, химии, географии, геологии и истории. Был создан специальный институт, но немедленной отдачи от него никто не ждал.

— И что же пошло не так? — Вике было интересно понять, почему такие потрясающие находки были засекречены на десятки лет.

Белоконев вздохнул.

— Сталин умер, а Хрущев принялся активно втаптывать в грязь все перспективные разработки предшественника. К тому же, проект по созданию атомной бомбы был весьма успешен, за расщепленным атомом виделось будущее. А Антарктида была далеко, и климат ее не славился гостеприимством. Хрущев предпочел синицу в руках.

— Но как же государственная дальновидность?

— В СССР хватало проблем. Мы стремились достигнуть паритета в ядерном оружии, потом началась космическая гонка. США проявили интерес к освоению околоземного пространства и Луны, и мы не должны были им уступить. На Антарктиду просто не оставалось ни сил, ни средств. Однако совсем ее забросить Советский Союз не посмел. С 1956 года там совершенно официально стали появляться базы и научные станции. С развалом СССР, правда, все постепенно угасало, и теперь мы серьезно отстаем и от китайцев, и от американцев, и даже от новозеландцев, но однажды мы туда вернемся по-серьезному. Ядерное оружие постепенно перестает работать как сдерживающий фактор, — историк опустил руку, вздыхая украдкой, — все ищут иные преимущества и технологии, и потому вновь просыпается интерес к тайнам прошлого. Думаете, этот француз Жак Дюмон возник на пустом месте? Нет, он работает в интересах своей страны. Мое неожиданное появление спутало ему карты. Понятно, почему он так разозлился!

— Неужели француз работает на военное ведомство?

— Курирование наверняка осуществляется через фонд «Миссия достойных», который его спонсирует. Не поверю, чтобы его планами не заинтересовались на самом верху.

— А кто стоит за вами? — спросила Анна.

— За мной? — Геннадий Белоконев усмехнулся. — Никто. Я еду на свой страх и риск, как турист. Мне запрещено использовать любое оборудование, кроме фото и видеотехники.

Утверждая это, он старался внушить сам себе, что действительно контролирует ход собственных исследований и принимает решения. А все эти анонимы, подсказки и спонсорская помощь осуществляется безвозмездно, без далеко идущих целей. Конечно, Геннадий понимал, что это лукавство, но ощущать себя пешкой в чужих, причем невидимых руках, было весьма неприятно.

Девушки планировали продолжить расспросы, но Белоконев вдруг начал их обществом тяготиться. Он не мог простить себе лжи, а говорить правду не хотел и не мог. Его спас капитан.

По громкой связи раздалась мелодия-позывной, и было объявлено, что впереди стоя китов. А еще первые настоящие айсберги! Девушки, слышав такую весть, спешно попрощались и бросились в каюту за фотоаппаратами.

— Надо их с собой постоянно таскать! — восклицала на ходу та, что поменьше ростом и не такая симпатичная, как ее подруга...

Впрочем, в том, что эти девушки и впрямь подруги, Белоконев сомневался. «Слишком разные, слишком отчужденно держатся», — подумал он. Одна из них — актриса, которая мало похожа на актрису, не жеманничает, не кривляется, говорит мало. Красивая — это да, глаз не оторвать, и цену себе знает, но при этом не стремится оказаться в центре внимания, словно выбирает, кого подпустить к себе, а кого держать на расстоянии. А вторая называет себя цирковой гимнасткой и ведет себя словно восторженная старшеклассница, будто все ей в новинку. Но ее непосредственность контрастируют с печальными и все подмечающими глазами. Бело-

конев еще за столом это отметил и счел, что девочка многое видела и пережила. Есть в ней до сих пор какой-то надрыв...

Движение в воде привлекло взгляд, и Геннадий отвернулся от удаляющихся фигурок, прищурился на новый объект, скользивший в воде. Это был кит, его темное блестящее тело легко рассекало волны. А рядом плыл еще один. И еще.

Белоконев тоже решил сходить за камерой. Хотя попробуй поймай такого в объектив: секунда — и кит вздымает к облакам массивный хвост, другая — животное уже скрылось в глубине. Надо обладать молниеносной реакцией, чтобы успеть нажать на затвор. И все же он хотел попытать счастья.

Геннадий направился к двери, чтобы подняться на нужную палубу по внутренней лестнице. Его одностая каюта была недалеко, и путь занял от силы три минуты. Войдя, историк кинулся к столу, где в ящике держал фотоаппарат, но замер.

На столе прямо по центру лежал конверт. «Геннадию Белоконеву, срочное».

Недоверчиво, с опаской Геннадий дотронулся до конверта. Взял его, перевернул, потряс и стал надирать. Из конверта выпала сложенная вчетверо бумажка, на которой было написано: «Скоро к вам придет человек (а возможно и два), они попросят оказать услугу. Не отказывайте, какой бы абсурдной эта просьба вам не показалась. Помогите им во всем. Доверьтесь им. О дальнейшем мы позаботимся».

Геннадий сел на узкую койку. Сердце забило судорожными, суматошными толчками. Ладони вспотели. Он снял очки и принялся протирать стекла. Про китов, конечно, сразу забыл. Записка и конверт лежали на столе и мозолили глаза.

Если конверт подкинули в открытом море, получается, Аноним путешествует вместе с ним. Следит за ним. Направляет. Или охраняет?

— Кто же он? — пробормотал Геннадий. — И кто обратится с просьбой?

Впервые он стал задумываться о том, что ввязался в игру, не уточнив правила. И, значит, это может закончиться немного не так, как им первоначально планировалось

7. Три просьбы

К вечеру волнение практически сошло на нет, а облака разошлись, впуская в мир серебристый солнечный свет. В южных широтах царила белая ночь, поэтому не было ничего удивительного, что стоило хмурым тучам исчезнуть за горизонтом, вечерние часы казались куда светлее и насыщеннее красками, чем утренние и дневные. И все же солнце было тусклым, холодным и ни капли не грело. Даже металлические детали на солнечной стороне оставались на ощупь ледяными.

За ужином в столовой второго класса вновь стало оживленно. Те, кто еще недавно страдал от качки, взбодрились и демонстрировали проснувшийся аппетит. Только за столом режиссера Бекасовой отсутствовал один из пассажиров — Геннадий Белоконов.

— Опять потерялся? — предположил Сергей Давыдов с улыбкой. — Ему надо с GPS-навигатором ходить.

— Надеюсь, с ним все в порядке, — не поддержала шутку Елизавета Даниловна. — Бедняга переживает. Такой скандал получился!

— А что такое? — удивился Урусов, который на лекции Паганеля не присутствовал.

Пока Бекасова в сдержанных тонах пересказывала ему происшествие, Анна толкнула в бок Викторию и едва слышно зашептала:

— Давай заскочим к нему после ужина!

— У меня спектакль.

— У меня тоже репетиция и полуночное выступление, но надо же поддержать человека. И вообще, ты мне обещала!

— Что? — изумленно уточнила Вика.

— Попросить его об услуге.

— Даже если он и согласится, у меня нет лишних средств, я же тебе объясняла. Зачем мне его уговаривать, если я никуда не поеду?

— Не волнуйся, у меня все есть. Кроме аванса я с собой приличную сумму взяла, на все хватит. Ты потом отдашь, когда сможешь. Ну, не будь душой, это отличный шанс! А я без тебя пропаду.

Вика сомневалась, но после лекции и рассказа Паганеля она чувствовала, что начинает увлекаться. В конце концов, экскурсия займет три дня максимум, они будут находиться в обществе людей, которые во всем разбираются... А второй раз приехать в Антарктиду у нее точно не получится. К тому же был существенный момент: Белоконов летел в ту же долину, что и Долговы, и это означало провести дополнительное время рядом с Юрой.

— Вика, поверь, поехать с ними обойдется дешевле, чем покупать экскурсию в отеле. Так мы оплатим только спальный мешок и продукты. — настойчиво соблазняла ее Анна, обдавая жарким шёпотом ухо. — И потом, ты всегда можешь отказаться. Ну, пожалуйста! Сделай это ради меня! У меня самой ничего не получится, а ты сможешь его уговорить.

— Зачем мы ему там? Только мешать будем.

— Наоборот. Поможем, компанию составим. Так как, ты согласна?

Виктория медленно кивнула. В конце концов, решать историку. То, что она озвучит просьбу, ничего не гарантирует. И передумать можно в любой момент, тут Аня права.

Завадская украдкой взглянула на Юру, объясняющего Евгению Урусову, отчего француз так возбудился во время лекции.

— Вопрос приоритета в науке всегда стоит очень остро, — говорил он. — Первооткрывателю достаются все лавры, а имя второго забывается. Жак Дюмон получил грант на исследование, добыл разрешение на пребывание в указанном квадрате, согласовал все нюансы с разными службами в разных странах, а это было очень непросто. И вдруг обнаруживается,

что какое-то частное лицо, писатель, даже не его соотечественник, намылился в тот же самый квадрат. Его это изумило и задело. Плохо, что он повел себя несдержанно, как человека, его этот поступок не красит. Но мотивы его очевидны и понятны.

— А у нашего Паганеля есть разрешения на раскопки? — уточнил Урусов.

— Разрешения именно на вмешательство в экосистему, бурение скальных пород, растапливание ледяного покрова и тому подобное нет ни у кого. Оба исследователя запланировали лишь предварительный визит для уточнения масштабов работы и ее ценности для науки.

— То есть, на следующий год они опять приедут и уже начнут копать?

— Если будет чего, — вступил в разговор Володя. — Но вдруг обнаружится, что все это выведенного яйца не стоит? В науке часто случаются осечки.

Вика задумчиво смотрела на Юру Громова. Его профиль красиво вырисовывался на фоне светлого окна. Она вспомнила, как он удерживал сильными руками включенного и красного француза. «Мы могли бы вместе гулять по сухой долине Драконьего Зуба и купаться в теплых озерах, — размышляла она про себя. — Интересно, продают ли в магазине при отеле кроме сувениров еще и купальники? Хотя тут не купальник нужен, а гидрокостюм...»

Юра оглянулся, словно что-то почувствовал.

— Скоро буду иметь счастье присутствовать на вашем спектакле, — шепнул он. — Уже не терпится.

— Приходите, — она спокойно взглянула ему в глаза.

Они больше ничего не сказали друг другу, но этого и не требовалось. Их взгляды были красноречивы сами по себе. Они оба решили быть откровенны и не бороться с очевидным. Тем более, что чувство все возрастающей симпатии было обоюдным.

* * *

Сразу после ужина Анна увлекла Викторию за собой. Та больше не сопротивлялась, приняв решение.

— Идем быстрее, пока нас не запрягли, — гимнастка все в той же непосредственной манере волокла Завадскую за собой по узкому коридору. — Я все выяснила: и номер его каюты, и как туда добраться.

— Может, Сережу тоже позовем? — попыталась проявить инициативу Вика, но Анна бешено замотала головой:

— С ним потом! Сначала надо историка очаровать, прощупать почву. Мне известно, что он с Кинг-Джорджа летит транспортным вертолетом на Драконий Зуб. Договаривался он с нашими, груз и количество пассажиров не расписаны. Основная партия груза — это палатки, горючее и вода — уже доставлены на объект, а сам Белоконев летит налегке. Вертолет же 700 кг берет на борт. Все очень удачно складывается: Новый год мы встречаем со всеми, потом первого января инструктаж и утром второго вылет. Нам останется лишь раздобыть спальники, горючее и продукты на неделю.

— На неделю?! — ахнула Вика. — Но мы не можем...

— Так положено, с запасом. Погода будет нелетной или еще чего-нибудь приключится — такова техника безопасности. Там же совершенно дикие места, на тысячи километров никого нет. Излишки принимаются обратно по возвращению. И деньги вернут.

— Но, Аня, мы должны подняться на борт через пятеро суток! У нас обратный билет. Все это какая-то глупость!

— Да мы и вернемся, не бойся, — Аня остановилась перед нужной каютой и попыталась пригладить волосы. — Не в космос же улетаем. На Беллинсгаузене скучно, только если в бюро индивидуальный тур купить втридорога. А с Паганелем мы не пропадем. Возьмем и Сережу, так и быть, я ему тоже спальник приобрету — все же лишний мужчина в походе не помешает.

Защитник! Хотя и с Паганелем будет двое сопровождающих из местных полярников. Вертолетчики с ним в долине остаются на все дни, потому что туда-сюда гонять машину нерентабельно.

— Господи, откуда ты все знаешь?

— Держу уши раскрытыми. Все будет тип-топ, подруга, у меня котелок на эти вещи хорошо варит, не в первый раз гастроли организую.

Она вытолкнула Вику вперед и уже стучала в дверь:

— Такой красотке он не откажет. Сыграй роль обольстительницы. Или ты не актриса?

— Да? — Белоконев открыл и вроде как облегченно перевёл дух. — Девушки, это вы. А я уж думал... Хорошо, что это вы!

Вика мысленно вздохнула и, облокотившись плечом о стену, улыбнулась:

— Мы пришли узнать, как вы себя чувствуете.

Завадская в одну секунду изменилась, стала совершенно другим человеком. Превращение, совершившееся на глазах Анны, было столь стремительным, сколь и неожиданным. Вика словно засияла страстным неземным светом. Анна, хотя и требовала от подруги решительных действий, застыла, пораженная. Она не понимала, как и что сделала Виктория, но разница в манере себя держать, смотреть, говорить была просто потрясающая.

— Мы беспокоились за вас, Геннадий Альбертович, — пропела эта ослепляющая незнакомка, на которую и сам Геннадий уже таращился, как кролик на гипнотический танец удава.

— Вы не появились на ужине, — вставила Анна из-за ее плеча.

Ей захотелось хоть немного привлечь внимание историка, но тот не отрывал взгляда от Завадской, оставаясь глух и слеп к другим раздражителям. Егоровой стало обидно.

— Уже был ужин? Давно? Я увлекся, з-забыл... — бормотал Геннадий, судорожно краснея и заикаясь.

— Наверное, вы выключили радио, — сказала Вика. — О том, что надо идти в столовую или начинается мероприятие, всегда сообщают.

— Радио? — Белоконев выглядел совсем растерянным.

— Вы позволите? — Завадовская указала внутрь каюты. — Я уже регулировала громкость и знаю, как это делается.

— О, да, п-простите, заходите, конечно! — Геннадий посторонился, пропуская их мимо себя. Прежде, чем закрыть дверь, он бросил нервный взгляд в коридор.

Его маневры не остались незамеченными.

— Вы кого-то ждали? — спросила Вика.

— Н-нет...

Геннадий вдруг метнулся мимо Завадской к столу и принялся тасовать раскиданные бумаги и папки с файлами. Он спешил прибраться, стыдясь беспорядка, устроенного им на рабочем месте. Смотрелось это забавно, и Вика, рассмеялась, легко потряхнув волосами:

— Не стоит так переживать, Геннадий Альбертович. Наверное, на кухне осталась ваша порция. Вы бы сходили туда...

— Д-да, но я не из-за порции... все это.. простите! — историк залился краской пуще прежнего и выпрямился, комкая в руках какую-то бумажку.

Вика решила больше его не смущать и слегка притушила обаяние. Анна следила за ней во все глаза, пытаясь уловить и перенять все эти приемчики. Где уж ей, конечно, так сыграть, но хоть немного... В жизни же все пригодится.

— Видите эту круглую ручку на стене? — показала Вика. — Это выключатель внутрикорабельного радио, он у вас стоит в положении оф. Поэтому вы всюду рискуете опоздать. И все новости тоже мимо вас пройдут.

— Д-да, это... н-неудобно, — согласился Белоконев.

Вика отрегулировала громкость радио и улыбнулась:

— Вот теперь порядок.

— Спасибо. Н-не знаю даже, как благодарить...

— На самом деле, мы пришли к вам с небольшой просьбой...

Белоконев вздрогнул. Он словно очнулся от наваждения под воздействием новой, более сильной эмоции, а его глаза за стеклами очков приобрели шокированное выражение.

— Что вы сказали? Просьба?

Вика стояла совсем близко, что в условиях тесной каюты было нетрудно и выглядело одновременно и естественным, и будоражащим. Их рукава соприкасались, и до историка доносился пряный запах женских духов. Вот только все это уже не притягивало, а пугало его. Геннадий хотел отступить, попятиться, но сзади находилась вторая девушка, о которой он забыл.

— Наверное, просьба покажется странной и нескромной, но я все равно ее озвучу. Если нельзя ее исполнить, вы так и скажите.

— П-просьба? — Геннадий уже не только заикался, но и покрылся смертельной бледностью. — П-покажется с-странной? В-вы? Это в-вы?!

Вика озадачилась и спросила себя, не переигрывает ли она. Реакция Паганеля на ее простенький и ни к чему не обязывающий флирт была неадекватной. Она видела обручальное кольцо у него на пальце и потому никак не ожидала, что историк начнет пугаться ее и запиняться, как мальчишка.

— Мы бы очень хотели посетить долину с развалинами, — произнесла она, внимательно отслеживая выражение его лица. «Как бы его удар не хватил!» — Лучше всего сделать это в вашем присутствии. Вы удивительный рассказчик! Да и наблюдать за тем, как вы совершаете эпохальное открытие, было бы невероятно интересно. Конечно, наше участие мы оплатим по полной. Продукты, палатки, все это не вопрос. Если только вы дадите согласие...

Геннадий, кажется, позабыл дышать. Вика на миг прервалась, сведя брови к переносице, но потом все же решила закончить:

— Мы не помешаем, будем вести себя тихо и скромно. Поймите, быть рядом с тайной и не прикоснуться к ней, не ощутить на лице дыхания прошлого...

Кажется, Белокнева слегка отпустило. Он кашлянул, отвел взгляд, который больше не выглядел стеклянным. Вике показалось, что он готовится ей отказать. Анне за ее спиной тоже, видимо, так показалось, потому что она ткнула ее в плечо, понуждая действовать активнее.

— Знаете, — начал Геннадий, — эта просьба и правда неожиданная...

Вика мысленно извинилась перед ним и невесомо коснулась указательным пальчиком рубашки на груди Белокнева. Тот вновь замер, как напуганная птица.

— Но вы же понимаете те чувства, что мы сейчас испытываем?

— Д-да-а... — выдохнул он, вновь попадая под пресс ее очарования, которым Завадская так виртуозно пользовалась. — Я п-понимаю... и готов! Я окажу вам эту услугу.

Вика выгнула изящную бровь, словно не веря:

— Вы согласны?

— Да, — более уверенно откликнулся Геннадий.

— Нам с подругой можно будет к вам присоединиться?

— Да! — в третий раз сказал историк. — Если надо, значит, надо.

— Вот и хорошо, — Вика снова улыбнулась и отступила на шаг. — Все детали можно будет обговорить попозже. С моей подругой Аней.

— Да, я с удовольствием, — поддакнула Егорова, высываясь из-за спины Завадской.

Геннадий скользнул по ней рассеянным взглядом.

Из динамика внезапно послышался треск, сменившийся бравурными позывными, а потом капитан объявил, что через полчаса в театральном салоне начнется спектакль «Моя прекрасная жизнь» и приглашаются все желающие.

— Простите, мне пора, — Вика посерьезнела, — я уже опаздываю.

— Конечно, — Геннадий, двигаясь подобно сомнамбуле, выпустил девушек в коридор, однако в самую последнюю минуту замялся и спросил: — Скажите... зачем вам в оазис именно в моей компании? Почему не с французом?

— Так безопаснее, — ответила Вика. — Вы же наш соотечественник.

— А, ну да...

Когда дверь за ним закрылась и девушки остались одни, Вика окончательно убрала с лица приветливую маску.

— Довольна? — она прислонилась спиной у переборке и прибавила едва слышным шепотом: — Гадость какая... словно младенца обманула.

— Ты чего, высший класс! — Анна показала большой палец. — Он сразу спекся. Даже хорошо, что мы к Паганелю обратились. Твой Громов вряд ли так быстро позволит себя уговорить.

— Громов не мой! — сердито прошипела Вика.

— Да? А в оазис ты полетишь разве не для того, чтобы побыть с ним рядом?

— И в мыслях не было!

— Ну и зря! Подвернулся шанс хорошего мужика к рукам прибрать, так лови момент! Даже за два дня на корабле можно многое успеть, а уж на природе, в палатке и подавно. В путешествиях все мужики расслабляются.

— Курортные романы не мое.

— Постель, между прочим, полезная вещь для здоровья. Только сама не втрескайся в него по уши.

— Все, я опаздываю, — Вика отклеилась от стены и зашагала к трапу. — Мне Бекасова голову открутит.

Анна усмехнулась ей в спину и неспешно пошла следом. У трапа они разминулись со светловолосым помощником капитана. Парень радушно улыбнулся, посторонился, чтобы пропустить девушек, и еще пару лишних секунд пялился вслед Виктории. Это не укрылось от все подмечающего взгляда Анны и вызвало у нее на губах еще одну презрительную усмешку.

Помощник капитана шел целенаправленно к каюте Геннадия Белоконова. На его вежливый стук, дверь почти сразу распахнулась.

— Господин Белоконов, вы в порядке?

— Да, спасибо, — Геннадий недоуменно уставился на погоны старпома. — А в чем дело?

В голове у него мелькнуло, что до капитана наконец-то дошли слухи о неудачной лекции. А поскольку именно она была оплатой за более комфортабельную каюту, последствия могли быть самыми разными. Но старпом только улыбнулся:

— Вы пропустили ужин. В наших правилах следить, чтобы пассажиры ни в чем не нуждались. Если вы в порядке и в услугах врача не нуждаетесь...

— Нет, я просто не услышал сигнал явиться в столовую. У меня не работало радио. Но сейчас все нормально, мне помогли поправить э-э.. механизм.

— Хорошо. Тогда у меня к вам просьба...

— Просьба?! — вскричал Геннадий. — Как, еще одна?

Помощник капитана умело удержал на лице предупредительное выражение:

— Я прошу вас оказать нам честь отужинать в столовой для экипажа. По расписанию там как раз время подачи блюд. Мы выделим вам отдельный столик.

Геннадий потер рукой лицо.

— Хорошо.

— Прошу вас следовать за мной. Иначе боюсь, вы вновь заблудитесь.

— Хорошо, раз надо...

Белоконов взял ключ-карту от каюты, бросил взгляд на раскиданные по столу бумаги, прибавил к ним зажатый и сильно помятый конверт Анонима и оставил, как есть.

Шагая за старпомом, он обдумывал странную ситуацию. Может быть, просьба, на которую указывал Аноним, касалась чего-то еще, и две девушки были совсем ни при чем? Может, в столовой для экипажа к нему должен кто-то незаметно подойти и чего-нибудь передать? Но разве можно было предвидеть заранее, что он пропустит ужин? Нет, если только Аноним не какое-нибудь сверхъестественное существо, знающее будущее.

В столовой к Геннадию никто не подсел и не стал заводить разговоров. Нагрузив на поднос свою порцию, историк спокойно прошел на указанное место и поел без малейшего беспокойства со стороны.

«Все-таки дело в девчонках», — заключил он, хотя в чем смысл их демарша, решительно не понимал.

Он вспомнил про спектакль, когда выходил из столовой и захотел еще раз взглянуть на «колдунью со внешностью ангела», как про себя стал характеризовать Вику. Ведь она явно пыталась его завлечь в свои сети.

— Надо бы к ней присмотреться, — пробормотал он под нос, — но где же тут театральный салон?

Блуждая по лабиринтам корабля, Геннадий безуспешно искал дорогу. Посмотреть на схему, висевшую чуть ли не на каждой двери, конечно, не пришло ему в голову — он слишком был расстроен и озадачен. К счастью, скоро он буквально нос к носу столкнулся со знакомыми лицами, у которых можно было спросить направление.

— О, друзья мои, — вскричал он обрадовано, — вы-то мне и нужны!

— Какое совпадение, а вы очень нужны нам, — сказал Володя Грач, который в сопровождении Юры Громова только что безуспешно стучался в каюту историка.

Геннадий оглянулся и с удивлением понял, что ноги сами привели его к знакомому порогу.

— У нас к вам важная просьба, — продолжил Грач, — надеюсь, вы не откажете.

Лицо историка вытянулось

— Мы бы хотели дослушать вашу лекцию до конца, — сказал Володя. — Кажется, у вас есть недостающее звено, которого нам сильно не хватает..

— П-проходите в комнату, — проговорил окончательно сбитый с толку Белоконов, роясь в карманах в поисках ключа. К собственной досаде, он вновь начал заикаться.

8. Геннадий Белоконев идет на откровенность

— Мы надолго вас не отвлечем, — сообщил Володя, когда Геннадий с крайне задумчивым видом пригласил неожиданных гостей размещаться в тесном пространстве каюты.

— Вы из службы безопасности? — припомнил историк, морща лоб.

— Да, и пытаюсь кое в чем разобраться, — сказал Грач, осторожно усаживаясь на узкую койку так, чтобы хватило место и Громову. Хозяин же остался стоять, опираясь пятой точкой на край столешницы. — У меня к вам несколько вопросов.

— То есть лекция лишь предлог?

— Нет-нет, речь пойдет именно об Антарктиде. Но я думаю, всем будет проще, если вы не станете растекаться мыслью по древу, а коснетесь конкретных моментов. Первый вопрос, наверное, покажется вам бестактным, но он очень важен, и будет лучше, если вы все же на него ответите.

— Спрашивайте, — тяжело вздохнул Белоконев, про себя проклиная тот день, когда связался с Анонимом. Конечно, ничего хорошего он от расспросов Грача не ожидал, но первая же фраза окончательно выбила его из колеи.

— Скажите, Геннадий Альбертович, вы на самом деле занялись данной темой самостоятельно, на свой страх и риск, как всюду утверждаете, или вас все-таки кто-то в эту поездку отправил?

— Вы даже не представляете! — пробормотал Геннадий. Он судорожно соображал, стоит ли упоминать обо всех обстоятельствах, но в голове крутились слова из записки. Если Грач и его приятель Громов пришли сюда с ведома Анонима... Например, тот захотел, чтобы безопаснику стало все известно...

Тут Белоконев кое-что вспомнил:

— Однако вы телохранитель Долгова, — он устремил на Владимира беспокойный взгляд, — а значит, плывете вместе с французом Дюмоном. Почему я должен вам доверять?

— Считаете, я стану защищать француза? — уточнил Грач. — Не волнуйтесь, никаких тайн в его пользу я выведывать не собираюсь. Наоборот, допускаю, что вы мне поможет вывести Дюмона на чистую воду.

Геннадий опять тяжело вздохнул, все еще не уверенный, что с этими двумя стоит откровенничать. С другой стороны, физиономии у них были располагающие, совсем не бандитские, поэтому он все же попытался объяснить.

— Посылать меня никто не посылал, но, скажем так, надоумил, — сказал он, исподтишка проверяя, какое впечатление оказывают на собеседников его слова. — Я исследователь одиночка, за моей спиной не стоят ни мэтры исторической науки, ни институты. В Антарктиду я поехал как частное лицо, как писатель, освещающий проблемы освоения материка. Но вот подсказки и помощь, конечно, мне оказывали. Не так просто было получить разрешение на посещение антарктических станций, немало порогов потребовалось обить. Да и «добро» от англичан, чей турбизнес окопался в оазисе по соседству с Драконьим Зубом, пришлось ждать аж два месяца. Что касается темы... не иначе, как судьбой, я это и не называю. Хотя у судьбы в моем случае было вполне конкретное материальное воплощение.

— Что вы имеете в виду?

— Понимаете, я об этом еще никому не говорил...

— Дальше нас двоих эта информация не уйдет, — пообещал Владимир.

Белоконев замаялся, но все же ответил:

— Помните Моцарта, которому человек в плаще и маске заказал «Реквием»? Заплатил деньги, но потом так и не явился забрать ноты... Вот и со мной произошла похожая история. Деньги на поездку пожертвовал неизвестный доброхот. А до этого он так же анонимно

подтолкнул к изучению непростой темы, прислав пропуск в военный архив. Туда, видите ли, весьма непросто проникнуть.

— Затейно звучит, — Володя выглядел заинтригованным. — К загадочному типу в маске мы еще вернемся. А пока поясните, что же вам удалось узнать в том архиве?

— Этому как раз и была посвящена вторая часть моей лекции! Которую так некстати прервали...

— Вы не знали, что вместе с вами в те же места плывет Жак Дюмон? — вмешался Юра Громов.

— Да откуда?! — Геннадий всплеснул руками почти по-бабьи, выражая крайнюю степень возмущения, и при том едва не попал Громову по носу. — Французы вообще не имеют к этому отношения! Это наша история, наша привилегия, хотя...

Он резко остановился, но не потому, что заметил, как Громов уклоняется от его стремительных жестов — просто в голову ему пришла неожиданная мысль. Абсолютно другим, собранным и серьезным тоном Геннадий закончил так:

— Господа, наша страна имеет доступ к тайнам Антарктиды, наверное, с самого начала, но основной массив информации засекречен. Даже в наши дни полярники дают подписку о неразглашении. Не исключено, что в отчетах они о многом умалчивают. И вот я подумал: может, настала пора сделать все эти «неудобные» открытия достоянием общественности? Работа пошла по всем направлениям: и у нас, и за рубежом. Есть силы, которым это стало выгодно. Они нас провоцируют на спонтанные поступки, сталкивают лбами и смотрят, кто победит.

— Заговор мировой закулисы? — с тихим смешком спросил Громов.

Белоконев пожал плечами — думайте, что хотите. И замолчал.

— Так в чем соль? — спросил Володя, начиная терять терпение. — Что именно вы оба ищете в этой чертовой долине?

— Хранилище знаний древней цивилизации, — ответил историк. — Это же очевидно! Судя по историческим свидетельствам, таких хранилищ было два: одно располагалось в Тибете, а другое в Антарктиде.

— Шамбала? — изумился Юра. — Шангри-Ла? Вы серьезно?

— Да! — Геннадий поправил очки и откашлялся. — Я помню, что вы просили коротко, но я все-таки начну издали, иначе полная картинка у вас не сложится. А я бы хотел быть понятым верно.

— Ну, хорошо, давайте издали, — согласился Владимир и занял более удобное положение.

Уговаривать историка больше не пришлось. Оседлав любимого конька, он воодушевился с каждым сказанным словом.

— В 1903 году Эрнест Резерфорд и Фредерик Содди открыли закон радиоактивного распада, — вещал он. — В следующем году Содди читал об этом курс лекций в Глазго и озвучил идею, будто раньше на Земле существовала высокоразвитая цивилизация, которая владела секретом радиоактивного превращения. Злоупотребление атомным оружием ее и погубило. На Земле есть следы разрушительных войн: оплавленные камни Мохеджо-Даро, описания «летающих колесниц» и страшного оружия в индийском эпосе и так далее. Но, конечно, воевали друг с другом никакие не боги, а обычные земные люди, просто владеющие продвинутыми технологиями. Где-то хранятся и другие свидетельства превосходства одной цивилизации, более древней, над другими. Не только записи сказок или рисунки, сделанные дикарями, не понимающими ни сути конфликта, ни принципа действия страшного оружия, но нечто более серьезное: описание техники, чертежи, приборы. Все до крупницы просто не могло погибнуть! Наверное, из уст физика Содди эта мысль прозвучала впервые, но о конкретном Хранилище речи пока не шло.

— Думаете, Содди знал о чем-то конкретном? — уточнил Володя.

— О, нет, конечно, нет. Содди просто предположил. Но были люди, которые знали. Здесь я перехожу к сути нашей проблемы. Наверное, вы слышали о существовании советского разведчика Якова Блюмкина. Осенью 1929 года он был арестован по доносу своей любовницы. Блюмкин был очень интересной личностью: эрудит, превосходный актер и шпион, он ходил в экспедиции с Николаем Рерихом... короче, чтобы вас не утомлять лишней информацией, кончилось все тем, что его обвинили в шпионаже в пользу немецкой разведки и расстреляли. Все произошло очень быстро, за считанные дни. Протоколы его допросов и само дело оставались нерассекреченными много лет. Но однажды мне попали в руки некая папка. В ней хранились фотокопии показаний Блюмкина из архива НКВД. Мне удалось их скопировать.

Геннадий обернулся к столу, поворошил рассыпанные в беспорядке бумаги и достал несколько листов. Потом передумал, и, бросив листы в общую кучу, вытянул из-под бумажного вороха довольно солидную папочку с файлами и, пролистав, раскрыл на нужном месте.

— Поскольку с большинства документов по этому делу уже сняли гриф секретности, ксерокс мне сделали, хотя на это и пришлось добиваться отдельного разрешения. Я собрал досье. Потом, если захотите, можете и сами взглянуть, почитать.

— А где ваш компьютер? — удивился такому старомодному хранению материалов Громов. — Он же у вас был. Разве вы не храните в нем все свои наработки?

— Ох, компьютер! — лицо Белоконова вытянулось. — Я про него забыл. Он остался в салоне!

— Очень непредусмотрительно, — тихо заметил Грач.

— Да ладно, потом заберу. Я привык, знаете ли, все дублировать на бумаге, потому что с техникой у меня всякое случается: то батарея не вовремя разрядится, то, вот как сегодня, забуду ее где-нибудь, — Геннадий метнул в безопасника взгляд поверх очков и вернулся к документу. — Итак, допросный лист от 30 октября 1929 года. В вину Блюмкина вменяется то, что, будучи в 1925 году в Тибете, он вошел в доверие к далай-ламе и получил информацию о секретном «оружии богов», однако позже продал эти сведения представителю германской разведки Вернеру фон Штильхе за два с половиной миллиона долларов. Эту сумму нашли и изъяли при обыске сотрудники ОГПУ.

— Что за «оружие богов»? — не утерпел Володя, удивленно переводя взгляд с Геннадия на Юру Громова.

— В протоколе упоминается три устройства, но, судя по намекам, их было гораздо больше. В тех бумагах, что я видел, названы щипцы *ваджра*, с помощью которых древние плавили металлы, и колокол *иу-дзи*, который мог обратить в бегство и ослепить целую армию. Мне кажется, в последнем случае речь о приборе, использующем электромагнитные волны особой частоты. Но это еще не все, — Геннадий опустил папку и в волнении поправил постоянно сползающие с носа очки. — Далай-лама дал Блюмкину точные координаты второго Хранилища в Антарктиде. Укрытое в горах, в силу климатических особенностей не занесенных льдом, оно долгое время оставалось нетронутым и никем не охраняемым. Как бы ничейным. И там, в Антарктиде, помимо упомянутых образцов, хранилось еще так называемое «черное солнце» — *ципинь сюань*, альтернативный источник вихревой энергии. Дешевый и экологичный. С его помощью можно пересечь всю галактику за считанные дни.

— И все эти координаты оказались у немцев? — недоверчиво воскликнул Громов.

— Именно! Блюмкин утверждал, что на передачу информации у него была санкция и что это вовсе не его личная инициатива. Он намекал на высоких покровителей, но ему не поверили. Хочу заметить, что платить такую огромную сумму за пустышку никто бы не стал, значит, версию, будто информация о Хранилище у Блюмкина была его собственной выдумкой, нужно отмести сразу. В те годы проку от координат не было никакого. У Советов накопилось множество проблем иного характера, и поход в Антарктиду даже в первую десятку не входил.

У немцев тоже не все было ладно после Первой мировой, однако чудо-оружие, как и источник энергии «черное солнце» им бы не помешали. Как бы там ни было, через девять лет, в тридцать восьмом году германское правительство организовало-таки экспедицию в Антарктиду.

Белоконев перелистнул несколько файлов в папке.

— Вот еще один интересный документ, он датирован 10 января 1939 года. Это отчет о командировке в Третий рейх начальника спецлаборатории НКВД «Андроген» Савельева, адресованный первому заместителю наркома внутренних дел Меркулову. Савельев сообщает, что в личных беседах известный немецкий антрополог Ганс Гюнтер поделился планами, касающимися перспектив использования древних технологий. Немецким ученым вот-вот удастся — цитирую: «получить сведения, которые будут немедленно востребованы в промышленности рейха, в науке и самолетостроении». Поскольку Германия в мае 1938 года отправила экспедицию в Тибет, а в ноябре того же года снарядила поход в Антарктиду, понятно, на какие именно источники древних технологий рассчитывал Гюнтер.

Белоконев воззрился на слушателей, глаза его под стёклами очков торжествующе блестя.

— Гюнтер, кстати, передал Савельеву карту-схему Земли Королевы Мод с личными пометками. По его словам, Германия работала над созданием специального корпуса, который осуществлял бы регулярное сообщение с Антарктидой и ее Хранилищем. Вот, я вам опять зачитаю: «Я убежден, — пишет Савельев, — что Гюнтер ориентировал меня в необходимости проведения аналогичных исследований советской стороной в рамках имеющегося договора».

— Какого договора? — спросил Юрий.

— Генеральное соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи между НКВД и гестапо, — пояснил Белоконев. — В одной из описей, подшитых к делу, фигурировали материалы о сотрудничестве между нашими странами, где среди прочего есть пункт о том, что стороны обязуются сотрудничать в том числе и в области паранормальных и аномальных явлений, влияющих на внутреннюю жизнь государств⁵. Теперь вы понимаете, что откровенность Гюнтера не была чем-то из ряда вон. Но это еще не все. Гюнтер поведал Савельеву, что в самое ближайшее время в Германии появится оружие, способное уничтожать города в считанные секунды. А вводные данные, на основе которых будет создано это оружие, были добыты в Тибете. «Также стало известно о том, — пишет Савельев, — что в Германии разрабатываются авиационные двигатели принципиально нового типа на основе вихревого поля и электромагнетизма».

— Как понимаю, наводку на Тибет и его фантастические технологии немцы получили от Блюмкина, так? — уточнил Грач.

— Так. Яков Блюмкин работал в то время в лаборатории спецотдела ОГПУ под руководством Глеба Бокия. Экспедиция в Лхасу была осуществлена в 1925 году. ОГПУ использовало Блюмкина в качестве одного из главных координаторов Тибетской миссии по свержению Далай-ламы Тринадцатого. Попав в Лхасу, участники экспедиции должны были попытаться спровоцировать противостояние между Далай-ламой и Таши-ламой, чтобы вызвать беспорядки и сместить неудобного СССР правителя. Яков Блюмкин присоединился к экспедиции Николая Рериха, прошёл Индию, Тибет, Западный Китай, а затем в июне 1926 года прибыл в Москву, где свел знаменитого мистика с Луначарским. Миссия по свержению действующего Далай-ламы, кстати, потерпела фиаско, но зато Блюмкиным были добыты интересные сведе-

---

⁵ После подписания «Договора о ненападении», известном как Пакт Молотова-Риббентропа, была проведена серия встреч между представителями НКВД и гестапо в 1939—1940 годах, на которых было принято несколько секретных протоколов, в частности, решение укрепить сотрудничество между этими организациями. Однако не все историки согласны, что итоговые документы были подписаны и завизированы, и называют фальшивкой «Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (гестапо)», которое впервые было опубликовано в 1999 году в московской газете «Память»

ния. Правитель Тибета разоткровенничался и продемонстрировал ему и Рериху образцы древней техники, хранившейся в глубоком подземелье под дворцом Поталы. Блюмкин позже писал в докладной записке, что тибетские монахи верят, будто цивилизации на Земле регулярно гибнут из-за внешних и внутренних причин. Но существует регламентированная процедура священного отбора самых важных открытий, которые затем прячут в хранилище Тибета. А прежде так наполняли Хранилище в Антарктиде.

— Почему Яков Блюмкин разгласил секретные сведения на сторону? — задал Геннадий вопрос и сам на него ответил: — Я не знаю. Сам он утверждал, что сделал это, имея на руках недвусмысленный приказ своего руководства. Возможно, Троцкого. Но Троцкий ничем не мог ему помочь. Как бы там ни было, информация о Хранилищах и их содержимом стала известна германской военной разведке. Научный отдел СС в 1938 году отправил две экспедиции за сокровенными тайнами — в Тибет и в Антарктиду. Возможно, именно благодаря найденным подсказкам немцам удалось осуществить невероятный прорыв в создании атомного оружия, ракет «Фау», а также строительстве летательных аппаратов необычной конструкции, оснащенных «нетрадиционными двигателями». А вот тибетская экспедиция Савельева опоздала и была свернута в мае 1939 года из-за войны в Китае.

Что касается антарктического похода 1938—1939 годов под командованием Альфреда Ричара, то он был весьма успешен. Курировал экспедицию рейсмаршал Геринг, но идею ему подкинул Гиммлер. Немцы добрались до Земли Королевы Мод, застолбили за собой обширные территории, обозвав «Новой Швабией», провели разведку местности, аэрофотосъемку, нанесли на карту географические объекты и попытались основать там несколько баз.

— Они добрались до «оружия богов»? — поинтересовался Грач.

— К нашему счастью, немцам не хватило технологической базы, чтобы воплотить идеи в жизнь. Для того, чтобы создать принципиально новые двигатели для тех же самолетов, нужно знать не только принцип их работы, но и построить совершенно новые заводы с совершенно новым оборудованием, заточенным под иные требования. Кроме двигателей, нужны прочные материалы для деталей, способные выдержать большие нагрузки, ведь на старый самолет новый двигатель не приделаешь. Нужно менять аэродинамические характеристики машины, проводить испытания, решать проблему с обучением пилотов. Дело не одного года. Да и перестройка промышленности на новые рельсы занимает огромное время, потому что приходится решать неожиданно всплывающие задачи... И тем не менее, в конце второй мировой войны слухи о том, что вот-вот у Гитлера появится невиданное супероружие, ходили.

После поражения Германии, львиной долей документов по прорывным технологиям, завладели американцы. Русским тоже досталась часть секретных документов, хотя и не так много. Однако именно у нас оказались все исследования по Новой Швабии. В этот раз Сталин не стал откладывать дело в долгий ящик, приказав готовиться к освоению Антарктиды всерьёз. С 1946 года к берегам шестого континента отправилась китобойная флотилия «Слава», которая занималась не только ловлей китов. Три эсминца официально занимались охраной китобоев, но попутно выполняли и другие задачи. Был в составе флотилии и секретный научный корпус.

Под антарктические цели были переориентированы старые и построены новые заводы на Дальнем Востоке. Закладывались корабли, способные работать во льдах, строились самолеты, пригодные для полетов при низких температурах. Стали создаваться подводные лодки с повышенной автономностью. Довоенный опыт освоения Арктики как раз пригодился. В январе 1947 года из состава Тихоокеанского флота выделился отдельный Пятый флот, который возглавил адмирал Фролов. В его задачи входило обеспечение безопасности вдали от советских берегов — в южных широтах. Научно-исследовательскую работу курировал знаменитый полярник Иван Папанин, поставленный на эту должность по личному распоряжению Сталина.

— Но вы утверждаете, что истинной целью было не освоение природных богатств и не научные данные, а именно желание добраться до неведомого хранилища древних? — спросил Юрий.

— Это не я утверждаю, а документы! — воскликнул Геннадий. — Все доказательства я нашел в папках научно-исследовательского центра «Пирамида».

— Никогда о таком не слышал, — ворчливо обронил Грач.

— Конечно, об этом мало кто знает, — кивнул Геннадий. — И все же в СССР действительно существовал Научно-Исследовательский Центр, который занимался весьма необычными вещами. В частности, прогнозировал глобальные катастрофы и общепланетарные тенденции развития, изучал наследие древних цивилизаций. Во все времена и во многих странах были подобные структуры, о которых не принято ставить в известность широкую публику. «Пирамида» была создана по распоряжению Андропова в 1986 году и просуществовала до 1992 года, то есть исчезла вместе с СССР.

— Ладно, оставим пока исторические дискуссии, — сказал Володя, — предположим, у древних и впрямь были интересные разработки, и об этом вы нашли упоминания в рассекреченных папках КГБ. Но как про это пронюхал француз? И главное, почему вы оба, не стовариваясь, отправились за доказательствами в Антарктиду именно сейчас?

— Это и впрямь странно, — с готовностью согласился Белоконев. — Я занимаюсь темой два года или чуть больше, но впервые услышал о Дюмоне. И он еще посмел что-то кричать про приоритеты и обозвал самозванцем! Да кто он сам такой?!

— Спокойно, Геннадий, — остановил распаляющегося историка Громов. — Давайте оперировать фактами. Вне всяких сомнений, Дюмону известно о Хранилище. К тому же его проект был профинансирован авторитетной организацией...

— Они соперники моего Анонима! — выпалил вдруг Геннадий. — Мы хотим помочь нашей стране, а они планируют нам помешать!

— Ага, тот самый таинственный заказчик в маске, — вспомнил Грач, — ну вот мы и добрались до этой загадки.

— А знаете, я давно мечтал с кем-то поделиться, — ответил Геннадий, глядя на безопасника предельно честными глазами. — И потом, Аноним сам просил вам помочь.

— В смысле?

— Он предупредил меня сегодня, что ко мне явится человек с необычной просьбой. Имени не назвал, но вдруг это вы и есть? Тогда я должен вам все рассказать.

— Сегодня предупредил? Обо мне?

— Давайте я начну с начала. Однажды ко мне по почте пришло письмо...

По мере того, как Белоконев рассказывал свою историю, на лицах приятелей сменилась целая гамма чувств.

— Письма при вас? — наконец спросил Грач.

— Только сегодняшнее, его подбросили, когда я отлучался. Во время или после лекции, — Геннадий протянул Грачу конверт.

Тот вытащил из кармана носовой платок, аккуратно обернул им руку и только затем взял конверт за уголок. Прочитав добытую с такими же предосторожностями записку, Володя показал ее Громову.

— Кстати, ко мне уже трижды обращались с просьбой, — указал Белоконев. — И я немного в затруднении. Вы пришли последними, поэтому я точно не знаю...

— А кто были двое других? — быстро уточнил Грач.

— Помощник капитана. Он произнес кодовое слово и отвел в столовую, так как я пропустил положенный ужин.

— Что за кодовое слово?

— «Я прошу вас оказать нам честь отужинать в столовой для экипажа», — послушно воспроизвел Геннадий.

Юрий и Володя недоуменно переглянулись.

— Ну, как же: «просьба», «прошу», — подсказал Геннадий, видя их растерянность. — Да, конечно, я и сам бы не стал обращать внимание... но тут же как... Очевидно, что Аноним плывет на нашем корабле. Письмо мне подкинули в запертую каюту, а у кого мог быть запасной ключ? У помощника капитана!

Юра и Володя снова переглянулись.

— Но перед этим ко мне постучалась молодая девушка. Ее просьба показалась наиболее абсурдной, и все же, помня о письме, я пообещал ее выполнить. И только когда появились вы... мне вот кажется, что я поторопился... Помочь вам это национальные интересы, а помочь ей...

— Что она попросила? — Володя нехорошо прищурился.

— Хотела попасть на Надежду.

— Куда?! — воскликнули друзья в один голос.

Геннадий даже вздрогнул

— Она хотела присоединиться ко мне в поездке в оазис.

— Нет, подождите, вы сказали другое, — перебил Володя. — Надежда — что это?

— Это законсервированная советская станция, о которой стерты все упоминания в публичном пространстве. Та самая, которую основали в 1947 году. Я же упоминал про нее и даже фотографию показывал на лекции.

— Как она выглядела? — спросил Володя.

— Станция? — Белоконев начал листать файлы в папке.

— Да нет, девушка! Невысокая, худенькая как мальчик?

— Нет. Это самая красивая девушка на корабле. Если не ошибаюсь, ее зовут Вика. Виктория.

— Виктория Завадская?! — Юра не сдержался. — Не может быть!

Володя предостерегающе коснулся его плеча.

— Да, — кивнул Геннадий, — Точно, Завадская. Она сидит за нашим столом. Мы беседовали после лекции. Она подходила расспрашивать меня о моих исследованиях. Подходила с подружкой. А потом пришла еще раз и уже с конкретной просьбой.

— Я не верю, — пробормотал Юра.

— Вы можете мне сказать, что происходит? — встрепнулся Белоконев.

— Пока нет, — Володя встал, побуждая побледневшего Громова сделать то же самое. — Но мы разберемся! Только... вы не могли бы дать мне ознакомиться с теми документами, которые у вас есть в наличии? Я верну.

— Конечно, — Геннадий захлопнул папку и протянул ее Грачу. — Если что-то будет не ясно, обращайтесь

— Спасибо.

— А мне что делать? — спросил Геннадий.

— Ничего. Если кто-то еще попросит вас о чем-либо, уведомите нас. И, пожалуй, вам не стоит держаться особняком. Если уж наши пути совпадают, лучше действовать сообща.

— Против француза?

Грач вздохнул:

— Может, и против француза. Посмотрим. Письмо анонима я тоже возьму.

— Хорошо, я согласен, — закивал историк. — Буду держать вас в курсе.

Юрий и Владимир покинули каюту, прошли до лестницы и только там остановились, предварительно оглядевшись, не подслушивает ли кто.

— У меня аж легкое головокружение появилось, — признался Грач с кривой усмешкой, рассматривая пластиковую папку. — Я, конечно, надеялся узнать подробности, но такое...

Громова волновало другое:

— Знаешь, насчет Вики... Зачем ей лететь на Надежду? Она наверняка...

— Мы ничего о них не знаем, — перебил его Володя.

— Геннадий просто раздражил ее любопытство на лекции. Да любой бы впечатлительный человек захотел узнать больше!

Грач нехорошо прищурился:

— А ты взгляни на ситуацию с такой стороны: с чего бы Завадской напрашиваться в поездку к малознакомому мужчине, а?

— Не знаю, — Громов помрачнел. — Это недоразумение.

Внезапно он припомнил, как Вика исподволь расспрашивала его о телохранителях Долгова. Кто из них где обедает, почему их осталось только двое...

— Есть и такой штришок, — не унимался Володя, словно стараясь его добить. — На корабль Завадская попала в самый последний момент, потому что исполнительница главных ролей, которая уже была заявлена, сломала ногу. Удачное стечение обстоятельств, не находишь?

— Я должен с ней поговорить!

Грач кивнул:

— Ладно, расспроси ее. Только очень аккуратно! Ты же собирался смотреть спектакль?

Юра взглянул на наручные часы:

— Черт, он уже давно начался.

— Ну, тем быстрее окончится, и ты сможешь ее увести в укромный уголок. А я предупрежу Долгова.

9. Под созвездием Южного креста

Виктория Завадская

Вика никогда не мечтала стать актрисой, потому что с малых лет жила в театре. Ее родители проработали за кулисами всю жизнь, там они познакомились, там развивался их долгий роман, там же, сколько себя помнила, проводила время и Вика: играла в куклы, делала уроки, а позже выходила в спектаклях, где требовались дети. Жили они тогда в небольшом уютном городке, время в нем текло неспешно, и маленькой Вике представлялось, что так будет всегда.

То, что будущее рано или поздно наступит, она догадалась только в выпускном классе. «Школьные годы чудесные» подошли к концу, и начиналась странная взрослая жизнь, о которой Вика не имела ни малейшего представления. Конечно, можно было выйти замуж, растить детей и вести домашнее хозяйство, как мечтали некоторые ее подруги. Другие девочки, что побойчей, собирались навсегда покинуть «затхлое болото» — податься в столицу, состояться, подобрать жениха побогаче и даже не обязательно с официальным оформлением, лишь бы «папик» за все платил. Никто не собирался лететь в космос, двигать науку или заводить свое дело. Первое было немодным, второе безденежным, а третье опасным — про «крышу», мафию и чиновничий произвол в маленьком городке знали не понаслышке. Главное было — «устроиться хорошо».

Вика не знала, чего хочет и что означает «устроиться хорошо». Ей смутно казалось, что «хорошо» и «правильно» немного разные вещи.

— Да ты что, с твоей клевой внешностью тебе только в артистки, — говорили ей подружки в один голос. — Ну, или в эскорт-услуги: там платят получше и перспективы могут подвернуться нехилые. А в артистках поди еще выбейся наверх!

Вика решила пойти все же в артистки. Поступать, разумеется, поехала в Москву. Была уверена, что поступит — с ее-то опытом театральной жизни и провинциальной студией за плечами. Но не поступила.

Дальнейшее могло сложиться для нее весьма печально, потому что возвращаться неудачницей в родной городок Вике не хотелось. Да и Москва за непродолжительные дни прослушиваний ослепила. Хотелось сразу всего и неудержимо верилось в счастливое завтра. Однако капризная Фортуна смиростивилась и все же ей улыбнулась, пусть и не так широко, как мечталось. Во дворе театрального училища толклось много всяких проходимцев, но именно к Вике подошел настоящий рекрутер из модельного агентства и предложил нормальную работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.